

Леонид Гришин

Верность

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9371357
Верность / Леонид Гришин: Нордмедиздат; Москва; 2013*

Аннотация

В этой книге писателя Леонида Гришина собраны рассказы, не вошедшие в первую книгу под названием «Эхо войны». Рассказы эти чаще всего о нем самом, но не он в них главный герой. Герои в них – люди, с которыми его в разное время сводила судьба: коллеги по работе, одноклассники, друзья и знакомые. Он лишь внимательный слушатель – тот, кто спустя много лет вновь видит человека, с которым когда-то заканчивал одну школу. Проза эта разнообразна по темам: от курьезных и смешных случаев до рассуждений об одиночестве и вине человека перед самим собой. Радость и горе героев передаёт рассказчик, главная особенность которого заключается в том, что ему не всё равно. Ему искренне жаль Аллу, потерявшую мужа в джунглях, или он счастлив, глядя на любящих и преданных друг другу людей. О чистой любви, крепкой дружбе и вечной верности повествуют рассказы Леонида Гришина.

Содержание

Иван Петрович	4
Коса	10
Контуженый	16
На Кубани	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Леонид Гришин

Верность

Иван Петрович

Однажды мне пришлось лететь на один из уральских комбинатов в командировку. Тот комбинат был под особым контролем правительства и ЦК, чем успешно пользовалось руководство. Мне предстояло закрывать очередную рекламацию. На самом деле это была не рекламация, а письмо с описанием дефектов, которые к нашему заводу не имели никакого отношения. Письмо было подписано главным инженером. Я был с ним знаком, но не уважал его, потому что знания его не соответствовали занимаемой им должности. От него приходили иногда такие бумаги, как сейчас – просто набор слов, конкретно нет никакой претензии, которая относилась бы к нашему заводу, к поставке нашего оборудования... Всё не по правилам: нет номера чертежа, не описан конкретный дефект. Но тем не менее выезжать всё равно пришлось.

Как прилетел, сразу же отправился на комбинат. В приёмной было много народу. Из знакомых я никого не узнал. Я подошёл к секретарю и сказал, что мне надо к Михаилу Васильевичу. Она спросила, по какому вопросу. Я ответил, что являюсь представителем завода по рекламации. Она сказала: «Минутку», – и скрылась за дверь.

Я оглядел присутствующих и вдруг заметил одного знакомого. Он был окружён местными, и они о чём-то говорили. Мы встретились взглядами, он мне кивнул, я ответил тем же. Но вот вспомнить, откуда я знаю этого человека, у меня не получалось. Хотя в том, что я точно его знаю, я был уверен.

Пока я стоял в раздумьях, подошла секретарь и пригласила пройти.

Михаил Васильевич сидел за большим столом с зелёным сукном. Я поздоровался, он что-то пробурчал и царственным жестом указал на стул у приставного стола. Я выбрал тактику молчать. Он начал мне говорить, как ему тяжело здесь живётся, что поставщики совершенно разучились работать.

– То ли дело от японцев! Получаешь оборудование, и всё в таком порядке, аккуратно, всё в срок, никаких дефектов, а уж тем более брака. От своих же получаешь то ещё! Там заусенцы, даже страшно говорить; иногда приходит оборудование, у которого резьбы нарезаны одним первым метчиком! А бывает и хуже того: иногда в этих отверстиях оставлены сломанные метчики, которые мне приходится здесь зубами выгрызать.

Я посмотрел на него. Вроде бы все зубы целы. Думаю: интересно, как он ими грызёт металл...

Я сидел, молчал, выслушивая претензии к поставщикам. В это время открылась дверь, и зашёл мужчина, который показался мне знакомым. Он поднял обе руки, как бы показывая, что, мол, ничего-ничего, разговаривайте, я вам не помешаю. Странно, значит, этот мужчина – или более высокое начальство, или представитель министерства или прочих каких-то высоких контролирующих органов, раз он может свободно зайти к главному инженеру без стука и без доклада.

Он присел на стул. Я ждал паузы, когда Михаил Васильевич закончит своё высказывание в адрес поставщиков. Когда он закончил, я попросил осмотреть оборудование, в котором были замечены дефекты.

– Конечно, можно. Сейчас я дам указание, и инженеры вас проводят. Пусть вам ещё монтажники укажут, в каких полевых условиях нам приходится исправлять ваш брак. У нас

сроки, мы подотчётны ЦК и правительству, а нам приходится исправлять брак, который вы сами не можете у себя исправить.

– Михаил Васильевич, не надо никого звать. Я сам Леонида Петровича провожу, – вмешался в наш разговор вошедший мужчина.

Этот мужчина назвал меня по имени-отчеству, хотя я его ещё нигде не озвучивал. Секретарю я просто сказал, что я представитель завода. С Михаилом Васильевичем мы знакомы, но вряд ли он помнит мои имя и отчество. К тому же, я был уверен, что в разговоре он ни разу меня так не назвал. Меня не покидало ощущение, что я знаю этого человека, но вот вспомнить, откуда я его знаю, я не мог.

Мы стали выходить. Он пропустил меня вперёд и предложил:

– Сначала давайте зайдём ко мне, – и указал на дверь.

Я читаю на двери: «Главный инженер». Оглянулся, посмотрел на дверь кабинета Михаила Васильевича – «Зам. главного инженера».

Странно... Мне было прислано письмо, подписанное Михаилом Васильевичем как главным инженером. Мужчина что-то сказал секретарю, мы прошли в его кабинет, он предложил сесть в кресло у журнального столика, сел напротив, а затем обратился ко мне:

– Не узнаете меня, Леонид Петрович?

– Извините, вижу знакомое лицо, но не могу вспомнить...

– Да, конечно, всех студентов-практикантов трудно помнить.

Вот оно что! Теперь-то я вспомнил – это же Ваня Дмитриев. Да... Уже лет десять, наверное, назад, как он был у меня на практике. Этот смыслёный и очень интересный мальчишка... И вот он теперь главный инженер этого комбината.

– Ваня Дмитриев, ты, что ли?

– Да, это я. Второй месяц, как меня назначили сюда главным инженером. Но здесь в моё отсутствие Михаил Васильевич немножко «соломки подстилает». Как обычно он делает: поскольку у нас намечались кое-какие срывы графика, то он, чтобы не организовывать работу, просто обвиняет в этом кого-нибудь со стороны. Очевидно, и вы попали в его список срывающих график ввода комбината. Но вы не беспокойтесь, я уже дал отбойную телеграмму, заодно отправил и телеграмму-благодарность за своевременную поставку и качественное оборудование. Я вам копию дам. Вы где остановились?

– Да я прямо с аэропорта сюда.

– Вот и прекрасно. – Он поднялся, посмотрел в свой ежедневник. – Сейчас вы поедете ко мне. Не беспокойтесь, я живу один. А я... так, так, так... в 21.30 я приеду, – сказал он, увидев мой серьёзный взгляд. Он нажал кнопку. – Галина Владимировна, будьте любезны, пригласите ко мне Василия Егоровича.

Зашёл мужчина, лет ему, наверное, под шестьдесят. В кожаной тужурке.

– Василь Егорович, вот Леонид Петрович. Отвезите его ко мне домой, проверьте холодильник. Марии Николаевне скажете, чтобы она там сообразила, и попросите, чтобы она к девяти тридцати приготовила ужин. Мы с Леонидом Петровичем поужинаем. Хорошо?

– Хорошо.

– Так что, Леонид Петрович, до вечера. Я приеду в 21.30.

Я вышел вслед за мужчиной в тужурке. Мы поехали домой к Ивану Петровичу.

– Как главный инженер? – спросил я шофёра по пути.

– Да я его давно знаю, я ещё на прошлом комбинате у него шофёром был. Он и сюда меня пригласил. Мы с женой приехали, поскольку у нас дети выросли. Они все в центр переехали: сын в Москве, дочь в Ленинграде, а нам с бабкой всё равно где жить. Так что мы его давно знаем. Что сказать об Иване Петровиче? Его за два месяца уже все узнали, и он всех знает. С его памятью... Такая память у него, понимаете ли. Не говоря уже о том, что он тут руководство – и городское, и районное, и областное, всех начальников строительных и

монтажных участков, всех бригадиров знает по имени-отчеству и практически всех рабочих. Удивляться приходится, как можно в голове держать столько имён. Кроме того, он знает, у кого какие болячки, и старается помочь. Конечно, такого человека уважают.

Приехав, мы зашли в весьма ухоженную трёхкомнатную квартиру. Я не заметил ничего, что свидетельствовало бы о существовании женщины в этом доме.

– Иван Петрович сказал, что он один живёт.

– Да, он не женат.

– И что же, нет женщин?

– Да понимаете, как... Может быть, и есть женщины, но в эту квартиру он не водит, здесь их не бывает. Он сказал, что в свою квартиру, в свой дом, приведёт только жену. А вот жены пока у него нет. Здесь у него бывают только родственники. Никого он не приглашает к себе домой, кроме родственников. Иногда отец или брат приезжает. Но вот сделал какое-то исключение для вас. Он говорил, что он вас считает своим учителем.

Для меня это было странно. Не такой уж и длительной была практика, чтобы считать меня учителем...

– Да, он рассказывал, что после того, как в Питере практику прошёл, вас считает своим учителем.

Он поставил чайник, полез в холодильник, достал колбасу, сыр, очень быстро и умело нарезал бутерброды.

– Я с вами перекушу, у вас ещё какие вопросы есть ко мне?

– Нет.

– Вот эта комната – его спальня-кабинет. А вот эта – гостевая, в которой или отец его, или брат останавливаются. Так что вы спокойно здесь занимайте, а я жене скажу, она к ужину всё приготовит.

После чая он ушёл, а я принял душ, отдохнул и пошёл прогуляться по городу. Все города, когда рядом идёт большое строительство, имеют неряшливый вид. Я в молодости ездил по монтажам представителем завода на строительства ГЭС и комбинатов. Так тогда там сапоги были основной обувью, чтобы пройти по стройке и городу. Но здесь чувствовалось, что какой-то порядок есть.

В девять тридцать, как по часам, приехал Иван Петрович – бодрый и весёлый. Он ушёл в ванную. Через десять минут вышел освежившийся, и мы сели ужинать. Он стал расспрашивать меня о моих сотрудниках, причём называл он их всех по именам-отчествам, хотя прошло уже около десяти лет с тех пор, как он был у меня на практике. Он интересовался моими сотрудниками, их детьми, где учатся, где работают. Мне даже было иногда неудобно, что у меня отсутствовала информация о некоторых...

– Тебе уже, Иван Петрович, где-то под сорок и ты не женат. В чём дело?

Он закусил нижнюю губу, посмотрел на меня, положил вилку.

– А вы знаете, наверное, и не женюсь.

– А чего так? Вроде бы ты человек здоровый, внешностью тебя господь не обидел, и вдруг женоненавистник.

– Да нет, я не женоненавистник... Знаете, в институт я поступил уже после армии не мальчишкой, а зрелым человеком. В армии я комсомольским лидером был. И в институте сразу же начал комсомольской работой заниматься. Учёба мне давалась легко, свободно, поэтому общественная работа не так уж много отнимала у меня времени и ничем мне не вредила. Хочу сказать, что женский пол тоже мне уделял внимание. И в армии было, и, чего греха таить, иногда офицерские жёны приглашали в гости, когда мужья уезжали в командировки. И здесь тоже в институте: колхоз, картошка, стройотряды... Это всё мною возглавлялось, и, конечно, были там и подружки, и любовь была – всё это, как говорится, молодое. Так, по-моему, и должно быть.

И где-то после четвёртого курса мне захотелось проехать на теплоходе по Волге. Просто мечта была. Тогда как раз были военные сборы (у нас кафедра была военная), и после этих сборов я, естественно, в тот год в стройотряд не поехал, а вернувшись в институт, в профкоме выпросил путёвку на теплоход по Волге. И вот тут-то случилось...

Я молчал, слушал, что же могло случиться.

– Я приехал на речной вокзал почти к самому отходу теплохода. Но я ещё до трапа не дошёл, как вдруг перестал замечать вокруг всё, кроме одного лица на палубе. Женского лица. Я не знаю, почему так. Говорят о какой-то любви с первого взгляда. Теплоход, люди – всё это превратилось просто в фон, на котором она – блондинка с голубыми глазами...

...Она стояла на верхней палубе и смотрела, как народ садится. Она улыбалась, а мне так захотелось с ней познакомиться! Дурацкое же у меня было, наверное, выражение лица, когда я вот так вот встал и уставился на неё, не в силах оторвать взгляда. Я так засмотрелся, что в какой-то момент мне показалось, будто она мне ручкой махнула. Я тоже махнул рукой и поднялся на теплоход.

Матрос показал, где моя каюта. Я быстро прошёл и бросил рюкзак с вещами. Мне хотелось вновь увидеть поближе эту женщину, посмотреть на неё... Что-то такое со мной случилось. Представляете, это я, который уже не мальчик, уже третий десяток скоро будет заканчиваться, и вдруг такое вот... Я прошёл по палубе туда, где она стояла – нет её. Думаю, что за наваждение, в самом деле! Пришёл к себе в каюту, и представляете, перед глазами у меня это личико. Абсолютно правильные черты лица: прямой носик, большие голубые глаза с пушистыми ресницами и ямочки, которые появлялись у неё на щёчках, когда она улыбалась. Думаю, ну вот она – моя вторая половинка...

За ужином случилось невероятное. Я оказался с ней за одним столом. Но мы были не одни. Она была замужем... Чувствовал я себя тогда, надо сказать, идиотом.

Мы познакомились. Она назвала себя Олей, он – Виктором. Я пробурчал своё имя. Они очень весёлые были, а я смотрю на неё и не могу оторвать взгляда ни от её лица, ни от её рук, ни от её высокой красивой груди. И всё в ней такое притягательное. Сами руки тянулись к ней взять её и ласково обнять. Но она замужем ведь. Так и сижу, уткнувшись в тарелку, ничего не могу поделать. Они мною очень заинтересовались. Всё спрашивали, кто я, откуда, чем занимаюсь, какие интересы у меня – обо всём расспрашивали, то он, то она. Я отвечал, а сам... Мне неудобно было смотреть ей в лицо, поэтому я смотрел на её руки. У неё такие красивые руки! Узенькая ладошка с длинными, круглыми, розовыми такими пальчиками с превосходным маникюром. Мне так хотелось взять сейчас эти ручки и расцеловать...

Кое-как я проглотил то, что там было, после чего ушёл к себе в каюту. Я лежал и смотрел в потолок. Но и на потолке мне виделось лицо этой прекрасной незнакомки.

Как обычно бывает в круизе: ночью едешь, а днём остановка по городам, и там экскурсии организованы. Мы отправились на автобусную экскурсию. Она села рядом со мной, и мы о чём-то разговаривали. Когда мы были на экскурсии, она иногда брала меня за руку, и часто, ненароком, я локтем касался её груди. В один из таких моментов я понял, что у неё нет бюстгалтера под кофточкой... Меня пронизывала дрожь...

Её муж делал вид, будто бы не замечал, что она кокетничает со мной. И вот представляешь, весь день я провёл в таких мучениях рядом с этой женщиной.

Вечером за ужином оказалось, что Виктор в городе купил бутылку коньяка. Он открыл коньяк и предложил выпить за знакомство. Мы начали пить. Почти сразу же она оставила нас одних. Виктор всё наливал, а я выпивал. Даже не знаю, пил он или нет. Не знаю, сколько я тогда выпил. Он что-то говорил, рассказывал, а я его не слушал. Просто-напросто не слушал, так как был занят своими мыслями. Я переживал вновь и вновь этот день, как она брала меня под руку, как прижималась ко мне. Я чувствовал её рядом, чувствовал её запах, её

прикосновения. Он что-то говорил, говорил о каких-то болезнях, о каких-то детях, ещё о чём-то. Я ничего не слушал. Сколько выпил – тоже не знаю, голова какая-то дурная была.

– Ну, ты согласен или нет? – вдруг говорит он мне.

– В чём? – спросил я, очнувшись.

– Ну, как в чём? Я тебе весь вечер говорю. Ты согласен или нет?

– Извини, я прослушал, о чём ты.

– Как о чём? Я же тебе весь вечер толкую: согласен ли ты переспать с моей женой за деньги?

Я моментально протрезвел. Ёлки-палки! Это же, оказывается, сутенёр самый настоящий! Торгует своей женой! У меня рюмка оказалась недопитой, я этот коньяк плеснул ему в морду, ударил его и ушёл.

Вернулся в свою каюту, но успокоиться не мог.

Вот те раз! Влюбился в женщину, которую продают! Весь оставшийся вечер я ругал себя всякими словами.

Естественно, утром на завтрак я не пошёл. Пошёл в бар. Голова, конечно, трещит. Взял пиво. И вдруг заходит эта женщина. Я на неё уже другими глазами смотрел. Конечно, она красивая, она прекрасная, но она же продажная... Она – за деньги.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказала она.

Я хотел нагрубить, но промолчал.

– Вы, очевидно, моего мужа вчера неправильно поняли, я так предполагаю. Дело в том, что да, я женщина замужняя. Но хочу вам сказать, что в моей жизни только один мужчина. И это мой муж. И вы не поняли, очевидно, о чём он говорил. Он в детстве переболел, и мы не можем иметь детей. Мы с ним договорились, что если мне понравится какой-нибудь мужчина, то мы согласны заплатить, чтобы он стал отцом, чтобы мы могли родить ребёнка. И вот с того времени, как мы договорились с моим мужем, вы первый мужчина, который мне понравился, от которого я хочу родить ребёнка. Мы согласны заплатить вам. Если я вам не нравлюсь как женщина, если вам неприятно быть со мной, мы вам заплатим.

Господи! Оказывается не с меня они хотели деньги получить, а мне... Чтобы я переспал с этой женщиной. До меня с трудом доходили эти слова.

– Если вы в чём-то сомневаетесь, то у меня есть справки... Я абсолютно здорова. Никакими болезнями я не болела, тем более венерическими. Если хотите, я вам покажу.

Я смотрел на неё и не верил своим ушам. Не верил, что я вижу.

– Я понимаю, вам хочется подумать. Если вы примете решение, я буду ждать в каюте. Муж уже сошёл на берег, его не будет на корабле.

Я взял ещё пива и ушёл к себе в каюту. Я не знал, что делать...

Через час я зашёл к ней. Она была одна. Она была так прекрасна, что я вообще потерял голову...

Дальше не хочу рассказывать. Короче, три дня и три ночи мы были вместе. Это было настоящее счастье, настоящее блаженство! Это трудно передать, это можно только прочувствовать. Не хочу рассказывать, чтобы не потерять те чувства и ощущения...

Когда наш теплоход приплыл в Волгоград, она предложила прогуляться по городу. Я согласился.

– Мне надо себя привести в порядок, потребуется время. Давай так: через час десять заходи ко мне. Я буду готова.

Я ушёл к себе, тоже привёл себя в порядок – умылся, побрился, надел свежую рубашку. Я решил, что сейчас же приду и сделаю ей предложение выйти за меня замуж. Прошёл час десять. Я подошёл к её каюте, постучал. Ответа нет. Дверь была открыта, я зашёл, но её уже не было. И мне сразу бросилось в глаза, что нет и её вещей. На столе лежал конверт. В конверте были деньги. Тут меня осенила догадка – она сбежала...

Я выскочил, спросил у вахтенного.

– Да, минут сорок назад выходила с чемоданом. Её ждал мужчина, они ушли. Я видел, как они сели в машину и уехали.

Я поймал такси – и на вокзал, потом в аэропорт. Нигде её не увидел, её нигде не было. Я вернулся на теплоход, пошёл к старпому, хотел узнать фамилию, имя, отчество – хоть что-нибудь. У старпома никаких данных не оказалось.

– Они попросились, и я пустил их как зайцев.

И у меня осталось только имя её и его, причём кто знает, может быть, они вымышленные. Откуда они – я тоже не знал, не спрашивал. Они меня всё расспрашивали, всё выпытывали. Я потом только понял, что у них всё это было продумано для конспирации, чтобы я не знал ни города, ни фамилии – ничего. И вот через девять месяцев, примерно, в деканате секретарь мне даёт конверт, на котором на машинке напечатаны фамилия, имя, отчество – мои. Открываю конверт, и там также на машинке напечатано, что родился сын, и что назвали его моим именем. Точка. Я попытался узнать, найти – всё бесполезно.

Потом, через несколько лет, когда стали появляться компьютеры, я попросил приятеля помочь мне найти человека. Он сначала согласился, но потом обозвал меня чокнутым. Как можно найти человека, зная только его имя и примерную дату рождения?

Короче, ничего не получилось. Я не хочу сказать... Да, были у меня женщины, некоторые нравились очень. Можно было соединиться... Но как вспомню те четыре дня, проведённые с ней... Я никак не могу забыть её, её ласки, её запах... Говорят, однолюб. Очевидно, если я однажды влюбился, то это уже навсегда. И теперь знаю, что где-то есть сын, носит моё имя, но не мою фамилию. Быть может, они когда-нибудь ему расскажут обо мне... Может быть, а может, и нет. А я вот не могу забыть эту женщину, и всё. Так что... Скоро четвёртый десяток будет у меня заканчиваться, а я неженатый.

...Мы ещё посидели с ним, поговорили и разошлись по своим комнатам. Я, когда шёл к себе, всё размышлял над тем, что услышал. Необыкновенная история, необыкновенная судьба. Мой знакомый – Иван Петрович – достиг высоких вершин, стал главным инженером громадного строящегося комбината. Очевидно, он и останется главным инженером, поскольку, как говорил его шофёр, его здесь очень уважают, причём не только работники, но и весь район и город. А вот в семейной жизни он, наверное, так и не найдёт себя...

Коса

Сегодня я решил поехать на Колхозную косу порыбачить. Почему называется именно Колхозная коса – не знаю. В этом месте Кубань делает плавный поворот в сторону правого берега, подмывая его. Здесь, на левом берегу, образовалась большая галечная отмель, как у нас называется – коса. А название Колхозная коса ещё с детства помню: кто-то её так назвал, с тех пор и закрепилось. Чем она была примечательна, так это ромашками. Ромашек там было видимо-невидимо, причём крупные, красивые, с жёлтой серединой, с белыми лепестками. Потом их даже брали оттуда и рассаживали в палисадниках. Они там хорошо прижились и росли. Если за ними ухаживать, поливать и вырезать старые цветы, то они цветут до морозов.

Я сегодня настроился на вечернюю зорьку, там уж – как будет ловиться, может быть, останусь, чтобы порыбачить ещё и на утреннюю. Поехал один, брат не захотел – дела какие-то у него были. Когда стал подъезжать к Колхозной косе, то заметил, что место, на котором я думал остановиться, занято, причём занято такими туристами, каких я ещё на Кубани не видел: хороший джип и прицеп-домик. Такие домики я в своё время видел в Германии, очень хотелось иметь такой. Это как раз в те семидесятые–восемидесятые годы, когда за границу было сложно выехать, даже по туристической путёвке надо было пройти специальные комиссии и получить разрешение. А это уже не от тебя зависело. Это сейчас путешествовать проще простого: сегодня уже столько стран, в которых визы отменены, как в Турции, или полуотменены. Прилетаешь, показываешь загранпаспорт, и отдыхай себе там. А раньше такого не было, всё стремились на юг – в Сочи или в район Сочи. В летнее время достать путёвки было практически невозможно, поэтому чаще ездили «дикарями»: снимали койко-место без всяких удобств лишь бы как – это считалось нормальным отдыхом. Потом люди начали с палатками отдыхать. Потом были придуманы полупалатки-прицепы. Но иногда иностранцы приезжали вот с такими домиками, как у туристов, расположившихся на Колхозной косе. В таких домиках было всё оборудовано: и спальные места, и кухоньки были, и даже газовая плита. Тогда на это всё смотрели с завистью. Сейчас это всё стало свободно, можно купить где угодно. Но желающих у нас, по-моему, уменьшилось на такие «комфорты». Сейчас люди больше любят, когда «всё включено», чтобы и тёплое море было, и высококлассный сервис, и чтобы было на что посмотреть, как в той же Италии, Испании, Турции, Болгарии или на Канарах.

Я здесь увидел отдых застойных времён. Люди предпочли Канарам и прочему Колхозную косу здесь, на Кубани. Чтобы не мешать отдыхающим туристам, я взял влево, проехал метров сто пятьдесят, остановился и решил порыбачить там. Облюбовал место, взял снасти, вышел к Кубани на перекатик и решил половить усачей. Я поставил пару закидных на усачей, но с полчаса не было ни одной поклёвки. Время настало, уже можно поставить и сомятницы. Я приготовил четыре удочки-сомятницы, две штуки поставил на лягушку как обычно и две штуки на живца. Когда подошёл к закидным, то увидел, что обе сработали, я вытащил. На одной был приличный усач, где-то килограмма на полтора весом, на другой поменьше – грамм на восемьсот. Уже было приятно. Я перезарядил донки, принёс стульчик и сел. Прошло минут десять, сработал один из сигнализаторов. Но, похоже, сигнал был ложный. Может быть, что-нибудь пронесло течением мимо. Я перезабросил, поправил наживки и слышу, что сработал второй сигнализатор. На этот раз я подождал повторного сигнала, подсёк и стал выводить. Опять попался усач, небольшой, грамм на восемьсот. Так и подлавливал периодически.

Изредка я поглядывал на соседей. Я заметил, что их двое – мужчина и женщина. Когда я подъезжал и настраивался, они купались в Кубани. Мне показалось, что это какая-то друж-

ная пара. Им было интересно и весело друг с другом. Они даже плескались. Издалека я не мог определить, какого они возраста, но, кажется, они были почти мои ровесники.

Когда солнце стало катиться к закату, я решил перекусить: достал бутерброды, термос и устроился. Костёр пока решил не разводить. Налил себе чаю из термоса и стал есть. Смотрю, ко мне направляется женщина, я стал её разглядывать. Я отметил, что у неё была идеальная фигура, она была высокого роста и стройная. Она шла по камням. Не каждая ещё сможет так идти, но она шла совершенно спокойно, правда, иногда чувствовалось, что наступала на круглые скользкие камни. В такие моменты её гибкая фигура извивалась, удерживая равновесие. Она приближалась. Я понял, что она идёт ко мне, поэтому быстро прожевал остатки бутерброда, запил чаем, приподнялся и стал ждать её. Она была в спортивном костюме, не ширпотребовском китайском, а в настоящем «Адидасе», кроссовочки – тоже «Адидас». Пушистые волосы собраны сзади. Я отметил про себя, что у неё были правильные черты лица, красивые голубые глаза, добрые и ласковые.

Я стоял и ждал, что будет. Она подошла ко мне и спросила:

– Извините, вы здесь остаётесь ночевать или только на вечернюю зорьку?

Мне не понравилось то, что она спросила, будто бы я им мешаю. Я ответил не очень вежливо, даже слегка грубо. Я сказал, что это моё личное дело, как поступать, и что я ещё не решил, оставаться или уезжать. На её лице отразилось замешательство. Я спросил у неё, чего она хотела.

– Извините, пожалуйста, если вы останетесь здесь, то не желаете ли с нами поужинать?

Я удивился, что они решили пригласить к своему столу незнакомого человека.

– Понимаете, у нас сегодня с мужем юбилей, а мы заметили, что вы один, и нам было бы приятно, если бы вы составили нам компанию. Если не возражаете, то минут через сорок мы вас будем ждать.

Я что-то невнятное промычал, а затем сказал:

– Да, спасибо, я приду!

– Тогда до вечера! Меня зовут Валентина Ивановна, а мужа моего Анатолий Викторович, а вас?

– А меня Леонид Петрович.

– Хорошо, Леонид Петрович, мы вас будем ждать.

И она ушла. Я посмотрел ей вслед – её фигура в лучах заходящего солнца была прекрасна. Её походка по этим гольшам, как мы раньше называли эти камни, была такой изящной, что я просто-напросто стоял, как идиот, и любовался этой картиной.

Раз пригласили на ужин, буду собираться. Я стал отмывать руки как следует. Посмотрел, нет ли на мне чешуи и прочего. Когда более или менее привёл свой костюм в порядок, я пошёл и нарвал большую охапку ромашек, прикрыл машину, глянул ещё раз на закидные – одна пиццала, но я уж подумал: «Ладно, пищи».

К назначенному часу я двинулся в сторону соседей. Когда я подошёл, то увидел Валентину, но уже в дивном вечернем платье с большим декольте, волосы её были подобраны назад, оголяя лебединую шею, удлиненное платье подчёркивало её совершенно прямую спину, высокую грудь и делало её ещё выше, а лицо с голубыми глазами было просто прекрасно. Я не мог оторвать взгляда от такой женщины. Её муж был высоким стройным мужчиной с заметным шрамом на щеке. Мы поздоровались. Что-то мне показалось в нём знакомым. Я вручил женщине букет ромашек, та с удовольствием их приняла. Но обстановка была напряжённой. Очевидно, она сказала мужу, что я не очень учтиво её принял и не очень вежливо отвечал...

Мы сели. На столе у них уже было всё приготовлено: стояли деликатесы, причём такие как, например, икра двух сортов, красная рыба, кальмары, крабы и прочее. Я удивился, зачем иметь красную рыбу, икру, когда здесь свежая плавает. Также была приготовлена свежая

рыба – усач и сом, обжаренные на масле. Сом был приготовлен весьма умело. К тому же овощи были – помидоры, огурчики, оливки. В общем, довольно приличный был стол. На столе стояла бутылка коньяка, стояла боком, поэтому я не мог прочесть названия, а также водка и вино.

– Вот, у нас сегодня юбилей нашей совместной жизни, – сказал Анатолий, – просим присутствовать на нашем празднике и составить нам компанию.

Он сразу предложил вина, коньяка или водки. Я почему-то решил водку, он меня поддержал. Спросил Валентину – она попросила вина. Он налил ей вина, мне и себе водки, я произнёс ни к чему не обязывающий тост. Я не знал ничего об этих людях, сколько и как они прожили, но тем не менее пожелал долгих счастливых лет, здоровья, уважения и прочего, что обычно говорят в таких случаях.

Мы выпили, стали закусывать. Они поинтересовались, кто я и откуда.

– Я заметил, у вас ленинградские номера.

– Да, я из Питера.

– А что здесь?

– Я родом отсюда.

Анатолий немного помолчал.

– А откуда?

– С Новокубанска.

– А где жили?

– Как где?

– Улица какая?

– Раньше она называлась Ворошилова, теперь Московская.

– Постойте, постойте, а фамилия?

Я назвал.

– А вам фамилия Бирюков ничего не говорит?

– Как не говорит? На нашей улице жила семья Бирюковых, многодетная семья, правда, девочек больше было, а мальчик, по-моему, один. – Я очнулся, глядя на него: – Позвольте, а вы не Анатолий Бирюков?

– Он самый, – заулыбался Анатолий.

– А я вначале смотрю – лицо знакомое!

– Вот видишь, мы, оказывается, соседи.

– А Валентину ты узнаёшь или нет?

Тут я узнал и Валентину.

– Валентина Кузнецова.

– Вот видите, как получилось. А мы думали, что пригласили совершенно незнакомого человека.

– А как в Ленинграде оказался?

– Обыкновенно, как и все в то время. Окончив школу, все должны были куда-то уезжать поступать, но в институт я сразу не попал, поэтому два года ещё проработал, а затем уехал в Ленинград. Там поступил в институт, закончил, там и остался. Сейчас приезжаю в отпуск сюда. А вы?

– А мы по-всякому, – сказал Анатолий.

В это время Валентина улыбнулась.

– Мы разными путями по России покуролесили, – ухмыльнулась она.

– Да уж прям покуролесили! Просто такую работу я себе искал.

– Хорошо, хорошо! Нашёл, нашёл хорошую работу.

Я не понимал, о чём они говорят. Потом выпили по второй, я стал интересоваться, где они живут.

– Да мы далеко. По России-матушке пока проедешь, пол-отпуска потратишь.

– А почему по России так долго едете?

– Там, где обосновались мы, там природа другая. Нас потянуло в этом году сюда – на Родину. Здесь наш юбилей захотели отметить – так, чтобы ни родственников, ни друзей, никого.

– Что же, это интересно: имея здесь родственников, друзей, самим в глушь сюда залезть, на косу.

– Дело в том, что мы здесь на косе и познакомились. Это было ещё в детстве, хотя какое детство, это было уже в юношестве. Ты помнишь, тогда на Колхозную косу, на Пионерскую поляну часто ходили купаться на Кубань? Мы тогда классом пошли купаться. Как и сейчас, росли такие же крупные ромашки. Валя тогда плавать не умела, но всё равно зашла в воду. Её свалило течение и понесло. Никто и не заметил, не услышал крика. И только лишь я заметил, потому что заглядывался на неё. И вдруг вижу, как её течение с ног свалило, и она начала захлёбываться. Я, конечно, бросился туда, а она, бедняжка, уже наглоталась воды так, что и дышать не могла. Я её подхватил, вытащил, учитель прибежала, заохала... Кое-как Валя откашлялась, после этого мы стали, как в то время говорили, дружить. Дружили до тех пор, пока не случилось несчастье. Ты, наверное, слышал, как в то время у нас на пришкольном участке произошёл взрыв?

– Да-да, я слышал, но меня тогда уже не было, я был в Ленинграде.

– Мы уже в десятом классе учились, причём это был апрель. А там был пришкольный участок. Каждому классу отводилась определённая площадь, за которой они должны были следить. Это, может быть, и хорошо было: там деревья росли, на которых учителя показывали нам, как надо прививки делать. Были участки, на которых овощные культуры сажали. Тогда и произошёл тот случай. Мы должны были вскопать участок, который под наш десятый класс выделили. Дали нам лопаты, учитель вбил колышек и сказал мне: «От этого колышка будешь копать в эту сторону», – сам пошёл отмерять второй. Весь класс пошёл за ним, а я остался у этого колышка, посмотрел направление, по которому мне копать, и только нажал на лопату ногой, как раздался взрыв. Мощный взрыв, после которого я дальше ничего не помнил. Помню больницу, помню, что у меня и рука, и бок, и голова – всё перемотано, перевязано. Жив остался. Как оказалось, каким-то образом именно в том месте лежала мина. Знаешь, тогда после войны много чего у нас валялось. Как потом сапёры сказали, мне повезло – лопата защитила меня. А так должны были одни клочья остаться. Какая-то часть осколков прошла по боку, какая-то по руке и изуродовала лицо. Видишь, у меня остался ещё заметный шрам, хотя его несколько раз, как говорится, шлифовали.

Он посмотрел на Валентину, та опустила глаза.

– Вот так. Аттестовали меня по табелю, экзамены я не сдавал, поскольку был в больнице. Валентина с медалью окончила, поступила сразу в медицинский, а я провалялся практически два года. Год пролежал, не вставая. За это время я перенёс несколько операций – что-то зашивали, что-то извлекали – какие-то лишние предметы из моего тела. Когда поправился, вернее, не поправился, а стал нормально передвигаться, решил тоже поступать в институт. Ты помнишь, тогда была настоящая эпопея – все собирались ехать в центр. Когда я смотрел на своё лицо, изуродованное осколком, мне самому было неприятно. Я подался на великие стройки. В то время шла великая стройка Братской ГЭС, я туда и поехал. Специальности у меня никакой не было, плюс рука у меня одна не очень хорошо работала, но, тем не менее, на работу взяли. Попал к электромонтажникам. Хорошие ребята были наладчики, мне эта работа нравилась, – сказал Анатолий и замолчал.

Признаться, я себя не очень удобно чувствовал: они в таких шикарных костюмах, такие подтянутые, красивые, а я в рыбацком камуфляже выглядел, как пугало огородное. Но они

этого не замечали и продолжали вести разговор. Но мне казалось, Анатолию хочется выговориться.

Уже последний луч солнца затерялся где-то в лесу, стали сгущаться сумерки; Анатолий зажёл свечи, спиральки уже были раньше зажжены, поэтому комары нас не тревожили, мы спокойно сидели и разговаривали.

Немного погодя Анатолий обратился к Валентине:

– Валечка, ты хотела приготовить нам кофе.

Она посмотрела и улыбнулась:

– Да, Толенька, я сейчас сделаю.

Она нежно поцеловала его и ушла в домик.

– Понимаешь, ты же видишь, какая она красивая... Она сейчас такая же красивая, как и была в двадцать лет, а я, как ты, наверное, понял, бегал от неё самым настоящим образом.

... Я был в неё влюблён, но, когда смотрел на себя в зеркало, мне становилось страшно, что такая красивая девушка будет рядом с таким страшилищем. Осколок прошёл мне не только щёку, это сейчас кажется, что шрам только на щеке – нет! Он ещё задел и челюстные кости, зубы разворотил. Когда меня в больницу привезли, то первым делом хирурги начали бороться за жизнь, слепляя кости. Но, то ли счёт шёл на секунды, то ли хирурги оказались не очень умелыми, где-то не очень удачно слепили: рот у меня был перекошенный, щека впалая, нос изуродован, неприятно было даже самому на себя смотреть. А как представлю, что рядом такая красавица будет, так мне становилось жутко. Поэтому я самым настоящим образом бегал по всему Союзу. Я быстро освоился на монтаже, работа у меня была понятная, ясная, я поступил в Политех к вам, в Ленинградский Северо-Западный, на заочное отделение. Я умудрялся за год осваивать программу двух курсов. Валентина меня разыскивала, писала мне письма. Я эти письма читал, но читал аккуратно, чтобы после прочтения заклеить конверт и отослать обратно, мол, адресат выбыл. Наверное, она догадывалась по каким-то приметам, что письмо прочитано. Она писала ещё, пыталась приехать, приезжала, иногда находила меня. Но я, когда узнавал, что она приезжает, срочно уезжал на другой объект. Ты знаешь, что такое ОРГРЭС, Спецгидромонтаж? Это по всему Союзу участки, на которых кругом требуются рабочие. Тем более что у меня высокая квалификация была. Валентина и тут узнала, как меня найти! Если где-то сдавался какой-то объект, гидротурбины или паровые, то она знала, что там ведётся наладка, что там буду я, и приезжала... Когда наши встречи были неизбежны, мы виделись. Она рассказывала мне, что окончила институт, защитила диссертацию, но я всё равно не мог представить себе, что такая красивая во всех отношениях женщина, не только внешне, но и душой, может жить рядом с физическим уродом. Ты не представляешь, как мне было тяжело. Я её любил, очень любил и продолжаю любить. Но, тем не менее, я не хотел губить ей жизнь...

В один из таких приездов она показала мне, что не только защитила диссертацию, но и имеет уже достаточную практику. Она полностью изучила специфику моих ранений и готова была взять на себя ответственность за то, что моё лицо будет восстановлено. Это, конечно, было очень трогательно, я не соглашался, но она меня уговорила лечь в клинику, в которой она работала, и под её руководством мне будут делать операцию. Я согласился... Теперь ты можешь на меня посмотреть – вот что она из меня сделала. Я так благодарен ей, я её так люблю – вот это существо. Я её люблю не только за то, что она внешне такая красивая, а за то, что она красива ещё и душой. Её доброта, её ласка возродила мою жизнь. Мы живём вместе уже столько лет, а я люблю её только сильнее и сильнее... Понимаешь, я не знаю, почему я говорю это тебе, практически незнакомому человеку, может быть, это потому, что ты земляк мой. Ведь я в принципе никому этого не рассказывал, а сегодня, в день нашего юбилея, вспоминаю. Когда я её вот здесь, на косе, из Кубани выносил, она почти задохнулась

– много попало воды в лёгкие... С тех пор как я держал её на руках, прошло столько лет, но я к ней так же отношусь, как и тогда. И я уверен, что и она ко мне так же. Тем более что на мою физиономию сегодня можно спокойно смотреть. Этот шрам – это чепуха. А она осталась мне верной даже тогда, когда я от неё бегал по всему Союзу, скрывался. И эта женщина, моя Валечка, радость моя, она исправила моё лицо и мою жизнь. Такое счастье, когда любящий и понимающий тебя человек рядом! Такой жизнью хочется жить и наслаждаться. Сколько лет мы с ней прожили, а у нас не было ни одной ссоры, мы никогда не ссорились, и я думаю, что и не будем никогда ссориться. Нам вместе очень хорошо, мы любим друг друга. А я её так люблю, что для неё готов на всё. Вот мы сегодня уединились здесь, чтобы вспомнить, как мы с ней подружились, и мы считаем наш юбилей от этого дня, именно от этого, когда я вынес её из Кубани на руках. Я готов её дальше носить на руках. Спасибо, что ты пришёл к нам. Мне просто хотелось в этот день с кем-то поделиться своей радостью, которой наделила меня судьба – таким человеком, такой полноценной жизнью.

...Он замолчал, а я посмотрел на лицо счастливого и радостного человека, который несколько лет мучился, сознавая свою неполноценность, а теперь наслаждается жизнью. В это время подошла Валентина, принесла кофейные чашечки, кофейник с заваренным кофе. Разлила по чашечкам кофе, спросила, как мы будем – со сливками или с молоком. Оказывается, у них и то, и другое есть. Я отказался, мне хотелось чёрного кофе без ничего.

Пока мы пили кофе, я смотрел на них и любовался – какое счастье, когда люди любят друг друга, какое счастье, когда они через всю жизнь пронесли эту любовь и преданность! И вот сейчас они уже не совсем молодые люди, но они вместе, всё так же любят и уважают друг друга. И мне приятно было смотреть на них, на их влюблённость, на их жизнерадостность. Так хорошо, когда люди любят друг друга, и так приятно смотреть на них, на влюблённых, влюблённых и преданных друг другу уже столько лет!

Контуженый

В один летний день я решил поехать на пруды, порыбачить на сазана или зеркального карпа. Мне сказали, что в сторону Ковалёвки есть местные пруды, и что там разводит рыбу Контуженый.

– Как контуженый?

– Да так Контуженый. Интересный мужик, но со странностями. Одного может встретить радушно, а другого даже близко к пруду не подпустит. Как он составляет своё мнение о людях, никто не знает. Может, тебе повезёт, и ты ему понравишься, рыба-то у него отменная, есть смысл попробовать. Там три пруда, недалеко от Кубани, всё основательно сделано. Съезди, посмотри.

Мне показали, как проехать. Поехал туда, нашёл пруды. Там охрана, сторож, две собаки овчарки.

– Можно ли порыбачить? – спросил я.

– Нет, мы этим не распоряжаемся, – ответил охранник, – это делает сам Контуженый.

– Извините. А имя у него есть?

– Да, его Пётр Васильевич звать. Так что проедете в станицу, вторая улица справа будет, по ней съедете в сторону Кубани, там и увидите дом.

– Какой дом?

– А вы его заметите, во всей станице таких домов нет, как у Контуженого.

Я поехал. И в самом деле, дом его выделялся. Во-первых, он был в два этажа. Причём видно, что второй этаж достроен недавно, а недавно потому, что раньше был закон, который запрещал строить вторые этажи.

Были у нас законы, о которых стыдно даже вспоминать. К примеру, был закон «о нетрудовых доходах». Если человек собственными руками что-то выращивал или изготавливал на продажу, то такие доходы могли признать «нетрудовыми», а человека этого посадить в тюрьму.

Точно так же запрещалось строить второй этаж. Поэтому если поехать по посёлкам и по деревням, то можно увидеть уродливую архитектуру тех времён, когда крыша второго этажа спускалась ниже первого, и в таком случае это считалось уже не вторым этажом, а мансардой. Но на самом деле это был второй этаж, необходимый большой семье, который строили в обход закона.

В доме, который я увидел в станице, был настоящий второй этаж, но не только этим он выделялся среди соседних домов. Это был красивый благоустроенный дом, вокруг которого был ухоженный сад, дорожки выложены камнем, а балконы и забор украшены ковкой. Когда я подъехал, то обнаружил даже площадку для стоянки машин.

Поставил машину, вышел, смотрю: какой-то мужчина открыл гараж, выехал из него на «Ниве» и начал открывать ворота на улицу. Меня заинтересовали ворота: не распахиваются, не отодвигаются, а складываются.

– Можно посмотреть на ваши странные ворота? – попросил я, предварительно извинившись.

– Ну что ж, за показ деньги не берём, а патента нет, поскольку ширмы ещё тысячу лет до моего рождения применялись, а это – та же самая ширма.

Я посмотрел – точно – принцип ширмы. Ворота состояли из двух створок, каждая по три секции, эти секции складывались в одну сторону и в другую. Каждая из них была где-то около метра. Они аккуратно складывались и не занимали много места.

Мне показалось, что при такой схеме створки непременно прогнутся, особенно последняя. Он заметил мой интерес, как бы демонстрируя, выехал на «Ниве» со двора и стал закры-

вать ворота. Я стал внимательно рассматривать – всё было сделано с умом: под створками заложен рельс, забетонирован, столбы тоже забетонированы с укосинами.

Когда я присмотрелся, то понял, почему створки не прогибаются – конструкция компенсировалась за счёт шарниров, которые эти створки складывают. Контуженый, очевидно, проследил за моим взглядом.

– Мы когда-то тоже сопромат изучали. Могу бесплатно патент отдать.

– Спасибо.

Он закрыл ворота и обратился ко мне:

– Приехали ворота посмотреть, или дело есть какое ко мне?

– Дел нет. Я хотел бы порыбачить на вашем пруду.

Он посмотрел на меня, на машину:

– И что, с Питера сюда, чтобы порыбачить на наших озёрах? Что, там, в Ленинградской области, нет озёр, на которых можно порыбачить?

– Да мне б хотелось с удочками...

– А там что, перевелась рыба?

– Да, может, и не перевелась, а я сюда приехал. Я отсюда родом.

– Откуда отсюда?

– С Новокубанска.

Он прищурился, посмотрел на меня:

– Фамилия какая?

Я назвал.

– Пётр Фёдорович твой отец?

– Да, так моего отца звали.

– Знал я его. Хороший человек был. Всеми уважаемый. Так что ты хочешь?

– На ваших условиях порыбачить... Что это будет стоить?

– Не проблема. Но у меня свои, особые условия.

– Я согласен на ваши условия.

– Ловить только там, где я укажу. Никакого костра на берегу не разводить, а про мусор я уже и не говорю, если что будет, то у меня там поставлены урны, куда можно сложить, и даже окурков не должно валяться после вас. Рыбу так: менее полукилограмма отпускать, свыше четырёх килограмм отпускать.

– Странно... Почему?

– А что тут странного, – уже более мягким голосом сказал он. – Все свыше четырёх килограмм – это маточники, им надо плодиться, от них здоровое поколение вырастает. А все, что меньше полукилограмма – им просто расти надо. Расти и развиваться, нечего их губить. Молодёжь, она должна расти. Если там какой меньше килограмма попался, что же, значит, плохо воспитывался, раз попался на крючок, – сказал он шуткой. – Езжайте за мной.

Мы выехали: он впереди, я за ним. Подъехали к прудам – охранник пропустил. Подъехали ко второму пруду.

– Здесь вот и располагайтесь.

Я достал из багажника удочки, спиннинг. Он обратил внимание на мой спиннинг. Подошёл, взял бережно и стал читать на нём надписи на немецком языке.

– Что, в Ленинграде покупал?

– Нет, – говорю, – в Германии.

– ГДР?

– Нет, ФРГ.

Он внимательно на меня посмотрел:

– А как туда попал?

– Ездил по работе и заодно купил себе спиннинг, игрушку такую.

– А где был?

– Да как сказать, где был... Я практически всю ФРГ проехал, считай, от Любека до Шварцвальда. Пришлось много фирм посетить, прежде чем контракт заключить.

Смотрю, он спиннинг мой держит как-то особенно нежно, даже поглаживает немного. У него голос изменился, заметно потеплел:

– Что же, счастливо вам порыбачить... Ловите-ловите, как вам хочется, ловите...

И он аккуратно положил мой спиннинг, не поставил у машины, а положил на травку.

– Ловите-ловите... Счастливо вам поймать, – зачем-то повторил он и ушёл.

Он шёл с опущенными плечами, опущенной головой, я тогда не понял, что могло так его взволновать. Простой спиннинг, не самый дорогой из тех, что там были, всё-таки покупал я его за валюту, а валюту надо было экономить.

Я расположился, забросил пару донок на макуху, так называемые макушанки, это такое устройство: берётся кусочек жмыха, свинцовая пластинка. Крючки вставляются в жмых и забрасываются. И пару удочек поставил поплавочных. Недолго пришлось ждать, начал брать сазанчик с полкилограмма, грамм семьсот. Таких я просто отпускал – по договорённости.

Приехал хозяин, Пётр Васильевич, или, как его все называют, Контуженый.

У третьего пруда стояли три домика непонятного для меня назначения. Аккуратненькие такие домишки, у каждого на крыше телевизионная антенна, а перед входом мощёные площадки. Смотрю, около одного домика Контуженый с охранником огонь развели, дымком запахло.

Макушанки молчали, а на поплавочные удочки нет-нет да клевали сазанчики килограмма по полтора. Я уже поймал четыре рыбы, посадил их в садок, как вдруг затрещал фрикцион донки: я подсёк и почувствовал: да! То, что хотелось – то уже у меня на крючке.

Очевидно, звук фрикциона привлёк внимание Контуженого, он посмотрел в мою сторону, что-то тихо сказал охраннику и пошёл с большим подсакком ко мне. Сазан или то, что сидело у меня на крючке (я ещё не видел), пытался то в одну сторону уйти, то в другую. Я, не давая слабину, пытался подвести его, но пока он упирался и был далеко от берега. Подошёл Пётр Васильевич:

– Спокойненько, спокойненько, не надо его так рвать, ведь ему же больно: у него губа нежная, тихо, тихо, дайте ему... Пусть он походит, немножко понервничает. Потом он успокоится, успокоится, потихоньку, потихоньку, подводите его, подводите.

Охранник принёс весы, такие, на которых в детских консультациях взвешивают детей, только там детей на пелёночки кладут, а здесь лежал какой-то материал вроде бархата, нежный.

Я минут десять боролся с тем, что сидело у меня на крючке. Когда рыба заметно устала, я начал подводить её к берегу, а Пётр Васильевич зашёл в воду с подсакком. Начал командовать:

– Так, так, так, потихоньку, понежней, нежнее, нежнее, ему больно, заводите сюда.

Я по его указанию завёл в подсак рыбину, он аккуратно поднял подсак, я смотрю: там и в самом деле был крупный сазанище, по моим понятиям, просто огромный, я ещё никогда таких не ловил.

Он аккуратно вынес его и положил на травку, приговаривая:

– Сейчас, сейчас, я тебя освобожу. Твои губочки... Понимаю, больно, больно, ну, не переживай, не переживай.

Сазан открывал и закрывал рот, словно соглашаясь с ним. Пётр Васильевич освободил крючки, достал из кармана перчатки полотняные, охранник в это время полил ему на перчатки водой и на весы полил. Я смотрел за этой процедурой, удивляясь, что это за ритуал.

Пётр Васильевич взял нежно этого сазана, приговаривая:

– Да что ты, да что ты так волнуешься... Да ничего страшного, сейчас, сейчас.

Положил его на весы, оказался вес 4800, и охранник сразу записал это в блокнот. Пётр Васильевич достал рулетку и измерил общую длину рыбы, потом замерил одну голову, затем один хвост, после этого поднял верхний плавник и замерил его, дальше боковые плавники. Замеры также были записаны охранником. Далее произвели замеры объёма головы, диаметры туловища – наибольший и наименьший, и отдельно размеры хвоста.

Я с интересом наблюдал за действиями Контуженого. Пётр Васильевич тем временем надел очки и стал внимательно рассматривать каждый плавник в отдельности, пересчитывая перепонки, особенно передние плавники. Заглянул под их основание, затем стал рассматривать жаберные крышки: приоткрыл их немного, посмотрел на жабры с одной стороны, с другой. Потом очень внимательно осмотрел всю чешую, при этом еле слышно приговаривая:

– Какой ты умница... Какой же ты хороший, да не волнуйся, да всё будет нормально.

И рыбина, как будто понимая его, открывала и закрывала рот, словно отвечая ему. Причём меня удивило то спокойствие, с каким сазан лежал. Обычно они трепещутся, а этот спокойно лежит, как будто и в самом деле он понимал то, что ему говорят...

Когда этот ритуал закончился, Пётр Васильевич аккуратно взял рыбу на руки, также приговаривая, зашёл в воду и опустил её, а она не двигалась.

– Ну, ладненько, хорошо, давай, давай... Пльви, нечего тебе застаиваться, – он её ещё раз погладил, и она, как бы нехотя, надо сказать – не желая расставаться, спокойно и медленно шевеля хвостом, поплыла на глубину.

Пётр Васильевич вышел, снял перчатки и обратился ко мне:

– Удовлетворили своё желание?

– Да.

– Уж извините, отдать вам этого маточника я не могу. Это самочка, и вполне здоровая. Всё в ней в норме, так что будет потомство хорошее: никаких заболеваний, никаких паразитов нет. Я каждый раз, когда мне попадается крупный экземпляр, проверяю: не появилась ли какая зараза, а то здесь и утки летают дикие, и домашние забредают. Могут на лапках принести заразу. Хотя сейчас уже есть химия, но не хотелось бы химией пользоваться. Я предпочитаю нашу простую кубанскую проточную водичку. Вы, наверное, видели, какие у меня здесь шлюзы поставлены. Водичка у меня всё время меняется.

Он стал мне рассказывать, как организовал эти пруды, какой у него интерес появляется вообще к рыбному хозяйству. Сетовал только, что маленькие площади у него: хотелось бы побольше, но «...понимаете, Кубань – это житница, здесь лучше пшеницу выращивать. Но и на рыбе можно нормально зарабатывать, и людям – радость и пропитание, а такие вот неугодя, как мною заняты, конечно, малы».

Так он рассказывал мне, а потом предложил:

– Если желаете, давайте вместе поужинаем?

Это было для меня неожиданно, но я ответил:

– С удовольствием.

– Вот и хорошо. Подъезжайте к домикам. Там и поужинаем. Если, конечно, не хотите больше рыбачить.

– Да, я уже свою, как говорится, страсть удовлетворил, поэтому с удовольствием поужинаю, тем более что не обедал сегодня.

– Вот и ладненько, подходите.

Я стал сматывать снасти. В это время подошёл охранник:

– Я возьму у вас садок? Опущу ваших рыб там, где более проточная вода. Они живые будут до завтра.

Я поблагодарил его и подошёл к домикам. Видно было с первого взгляда, что оборудованы они превосходно: столик, мангал, жаровня. Судя по щекочущему ноздри запаху уха уже

была готова, а рыба пожарена. Конечно, не пятикилограммовая, но, судя по размеру кусков, килограмма на два, не меньше. Appetit у меня разгорелся.

Пётр Васильевич пригласил меня присесть.

На столе были овощи: помидоры, а также малосольные огурчики.

– Уха любит водочку. Желаете водочки или вина?

– А у меня коньяк есть...

– Коньяк пусть постоит пока. А для ухи лучше водочка. Уху приготовить тоже по-разному можно, смотря какая рыба. У нас прудовая сегодня рыба, так прудовая рыба требует огуречного рассола. Как бы вы ни приготовили уху, а без рассола всё равно будет немного пахнуть тиной. А рассольчик отбивает этот запах, придаёт нужный вкус. И водочки нужно обязательно после полной готовности добавить. Сейчас, конечно, уже не то, – продолжал он, – сегодня нет нормальной водки. То ли дело в советские времена: была «Столичная» и «Пшеничная». А сегодня до чего дошли: даже технический спирт, и тот выдают за хорошую водку! Поэтому я уже давно отказался от магазинной, делаю свою. Если не побрезгуете, попробуйте мою водку. Хоть и говорят – «самогонка». Да, она самодельная. Сам гнал, пусть будет самогонка... Но зато настоящая. От неё не отравишься и не ослепнешь, – с этими словами он налил в две стопки. – Давайте за знакомство, раз меня вы назвали по имени и отчеству. Я ваше только отчество знаю, а имени не знаю.

Я сказал, что я – Леонид. Родился в день святого Леонида, очевидно, поэтому так и назвали.

– Правильно, это по-нашему, по-православному.

Мы выпили за знакомство. Он разлил уху в миски. Это была та уха, про которую говорят, что в ней «ложка стоит». Куски рыбы были выложены на большой противень. Даже миски, в которые Контуженный разлил уху, как нельзя лучше подходили для нашей трапезы: глубокие, удобные... Рядом с ними лежали деревянные ложки с расписными узорами, а казан – внутри эмалированный. Он заметил мой взгляд:

– Уха требует своей посуды и своего приготовления. Хорошо готовить в эмалированной, в крайнем случае – в чугунной посуде. Ни в коем случае никогда не готовь уху в алюминиевой. Не нравится мне и нержавейка. Всё-таки металлический привкус есть. А рыба не любит металл. А что миски – их мне подарили специально для ухи. И уху лучше всего деревянной ложкой хлебать.

В самом деле, миски были очень удобны для зачерпывания деревянной ложкой. Отхлебнув несколько ложек, он взял бутылку и ещё налил по стопке. Я отложил ложку в сторону. Он взял стопку:

– Давай выпьем за тех, кого уже нет. Я также хочу выпить за своих друзей, товарищей, с которыми прошагал всю войну, которые не дожили до светлого Дня Победы. Сейчас нас всё меньше и меньше становится. Давай выпьем за их светлую память.

Он встал, я тоже поднялся. Мы, не чокаясь, выпили. Взяли по огурчику, закусили. Доели уху молча. Затем он налил по третьей.

– У тебя дети есть? – спросил он меня.

– Есть.

– Уж, небось, и внуки?

– Да... И внук есть.

– Давай теперь выпьем за детей. За детей, за внуков. За будущую хорошую жизнь.

Мы чокнулись, выпили и приступили ко второму блюду.

– Хочешь варёную рыбу из ухи, хочешь жареную. А хочешь – и то, и другое, – предложил он мне.

– И без хлеба, – добавил я для шутки.

– Можешь с хлебом, можешь без хлеба. Одним хлебом можно на Кубани быть сытым всегда.

Когда мы насытились, он спросил, как попал в ФРГ, что я там делал, в каких городах был. Я стал ему рассказывать. Он с большим интересом расспрашивал, как люди живут, где я был, бывал ли я в семьях. Я подробно описал ему то время, которое провёл в Германии. Рассказывал, как живут там люди, какие у них интересы. Какая разница уровня жизни была тогда и есть сейчас. Он внимательно слушал и даже делал пометки в своём блокноте. Расспрашивал особенно подробно о тех городах, в которых я работал. Потом задал неожиданный вопрос:

– Есть ли у них справочные бюро? Можно ли там человека найти?

– Там всё очень просто. У меня были знакомые немцы в Индии, которые там работали, а затем вернулись в Германию. Я взял телефонный справочник, по имени отыскал, тут же позвонил и договорился о встрече.

– Это вот так прям сразу и нашёл?

– Да. У них причём справочники висят в каждой телефонной будке. Можно зайти в телефонную будку и найти любого человека.

– Это так просто?

Мы ещё выпили, солнце уже близилось к закату, начали надоедливо пищать комары. Он поднялся и подошёл к столбикам, назначения которых я сначала не понял. На каждый из этих столбиков он поставил спиральки и зажёл их, и комары быстро разлетелись. Мы снова продолжили беседу. После того как мы закончили с рыбой, к нам подошёл охранник.

– Васильевич, чай какой? Наш? – спросил он.

– Конечно, наш, какой же ещё. Давай, Вася, принеси, – сказал ему Пётр Васильевич.

Тот принёс чайник. Я бы назвал этот чай не чаем, а отваром из разнотравья. Там была и душица, и мята, и много чего ещё. А аромат такой, что хотелось не пить, а только вдыхать его и вдыхать. Разговор у нас закончился, мы немного помолчали.

– Пётр Васильевич, скажи, почему называют тебя Контуженым? – решил спросить я его.

Он повернулся:

– Вообще я неоднократно был контужен, поэтому прозвище справедливо. Но Контуженый я не из-за обычной контузии. Если тебе интересно, могу рассказать.

Я кивнул.

– Ты помоложе, воевать тебе не пришлось, и слава Богу! А я годков себе приписал, когда война началась, и военкомат меня взял...

...Но поскольку у меня было 8 классов, меня взяли сразу в школу офицеров. Нас там учили убивать, хорошо учили. Дали младшего лейтенанта – и на передовую. Мы рвались, конечно, в бой – Родину защищать, но комбат нам сказал:

– Посидите, научитесь сначала.

– Мы прошли училище, мы готовы.

– Вы готовы убивать, теперь научитесь выживать, тогда можно будет и в бой.

Он не пускал нас в бой какое-то время, но потом мы поняли, что это правильно, потому что в первом же бою нас наверняка бы убили. Много писали, что такое первый бой, что такое вообще бой, но это трудно представить, если ты это не прошёл. Я одно могу сказать, что самое тяжёлое – это ждать, перед тем как идти в атаку. Когда идёт подготовка, а ты сидишь в траншее и ждёшь ракету. Не знаю, что такое душа и где она находится, но сколько ни ждал я атак, чувствовал что-то в районе диафрагмы: такое ноющее состояние, что может с ума свести. Был вариант – сто грамм перед боем. Это как-то притупляло ожидание и боль. А когда выскочил из траншеи, то здесь уже ничего не чувствуешь, здесь уже инстинкты

работают. Чтобы не тебя, а ты. Чтобы ты на какую-то долю секунды опередил. Когда бежишь, ещё ничего, и глазами должен видеть, и спиной, и боком, чем угодно. А когда врываешься в траншею, то здесь уже надо иметь чистые инстинкты животного. Потому что надо не видеть, не слышать, а чувствовать, с какой стороны в тебя стреляют, с какой стороны на тебя приклад заносят. Надо предупредить. Вовремя ответить. Это, конечно, приходило с каждым боем. Нам вешали очередные звёздочки, медали, ордена.

Так мы двигались вперёд. И вот где-то в Западной Польше надо было высотку взять – всего-навсего. Мы заскочили в траншею, и надо же – откуда-то всего лишь один снаряд прилетел и разорвался рядом со мной. Меня просто засыпало землёй. Когда меня откопали, смотрю, мои ребята все зевают. Я не пойму ничего, хочу сказать, чтобы они не зевали, но не могу пошевелить языком. Я оглох полностью. И не мог ничего говорить. Санбат, потом госпиталь. Я не мог ни слышать, ни говорить. С врачами общался письменно. Комиссия чуть ли не дезертира во мне признала. Сказали, что я симулирую, что я не глухой, но потом там какой-то старик меня обследовал и установил, что какие-то центры нарушились. Меня признали инвалидом.

Это было весной, через пару дней я должен был быть выписан и демобилизован. И вот я стоял у окна, смотрел на сирень, которая уже расцвела. Наверное, и птицы пели, но я этого не слышал. Закрыв глаза и вдруг ощутил резкую боль, как будто штыком какой-то немец в ягодицу. Я заорал, думаю, как я его просмотрел. Открываю глаза, а передо мной стоит старик врач и окровавленным шилом перед глазами крутит:

– Скажи а, скажи а, скажи а.

Мне больно, я пытаюсь что-то сказать, шевелю языком, и вдруг в голове моей появился какой-то шум, и я понял, что снова слышу! Я попытался что-то сказать. Он заулыбался, крикнул, прибежали сёстры, тут же с меня стащили штаны, замазали, заклеили след от шила, было уже немного.

Оказалось, что этот старик – талантливейший врач, подобрал момент, чтобы сделать второй шок.

К третьему дню я мог говорить почти свободно, правда, немного заикаясь. Но слышать снова стал, как раньше. Через неделю меня выписывали, дали десять суток отпуска, но я не знал, куда ехать. Моего соседа по палате, сапёра, к этому времени тоже выписывали, и он предложил поехать к нему.

Мне некуда было ехать, у меня все погибли. И я поехал к нему, провёл там свой небольшой отпуск, подлечился и вернулся на фронт. Хороший он парень, дружим до сих пор.

Помню, когда война закончилась, мы стояли в каком-то городишке в Германии. Там у них так было: один небольшой городок плавно перетекал в другой. Вот в таком городишке наш командир полка был назначен комендантом, а я – комендантом одной соседней деревушки. Проблем хватало: и конфискат, и оружие. Я поселился в добротном доме. Хозяйка, немцы, были услужливые, вежливые. На третий день немка представила мне девочку. Я взглянул и замер: что это передо мной стоит? Мне показалось, девочке лет пятнадцать: худенькая, бледненькая, но такая милая на вид. Большие голубые глаза, белокурые волосы. Я к тому времени уже довольно хорошо говорил по-немецки.

– Это ваша дочь? – спросил я тогда у хозяйки.

– Нет. Её прислали с биржи труда, чтобы она работала здесь, вам помогала, – ответила мне немка.

– Так это же ещё ребёнок!

– Нет, ей уже восемнадцать лет, она самостоятельная.

Я ещё раз посмотрел на эту девочку и замер, зачарованный: бывают же такие создания! Неужели это немка, а не наша русская девочка? Она была чудо как хороша.

– Как тебя звать?

Работница подняла на меня свои глаза. В их синеве можно было утонуть.

– Марта.

При этом странно присела. Меня как током пронзило. Я повернулся и вышел. Не мог понять, что это за ощущения такие: я то ли ребёнка вижу, то ли девушку. Меня переполняли чувства, но я не мог в них разобраться.

Тем временем эта девочка стала работать. В её обязанности входили уборка и приготовление еды. С продуктами у нас было хорошо. Американская тушёнка была и всё прочее. Меня удивило, что эта девушка хорошо готовила, а убирала аккуратно и незаметно для нас. Я выяснил потом, что на неё никакого пайка не выдавали.

Чем она питалась, я не знал. Я спросил у хозяйки дома, она ответила, что девочке выдают карточки, и ей хватает. Я приказал своему адъютанту, чтобы он заплатил и немцу за постой, и этой девочке за работу продуктами. На следующий день я увидел в её глазах блеск. Я поинтересовался, почему у неё хорошее настроение:

– Спасибо вам, господин офицер, что вы позаботились обо мне.

Опустила глаза и замерла. Мне хотелось погладить её и приласкать, но я не мог этого сделать. В то время был приказ о запрете связей с местным населением, особенно с немцами. Это грозило трибуналом. Несмотря на приказ, я слышал, что были изнасилования, что судили и солдат, и даже офицеров. Были даже расстрелы. Я бы пальцем её не тронул без её согласия, но из-за приказа я отгонял все мысли о ней. Но знаешь, извини, что на ты тебя называю, ложился спать – она у меня перед глазами. У меня за время войны было столько женщин... А здесь не могу с собой справиться, и всё.

Так прошёл месяц. Однажды она принесла кофе, и я случайно коснулся её руки, когда она ставила чашку. Неожиданно она прильнула ко мне, прижалась всем телом. Я щекой почувствовал её волосы, ощутил их чудный запах. Я не мог понять, неужели всё это со мной происходит? Я взял её за плечи, посмотрел в глаза, мне хотелось обнимать и целовать её снова и снова. Но тут я вспомнил приказ: ты не имеешь права! Я пересилил себя, разжал руки и отстранился. Она отошла, опустив голову:

– Извините, господин офицер.

И так стояла покорно, неподвижно, опустив ручки. Что со мной творилось, я не могу описать! Я страдал и ничего не мог с собой поделать. Прошло время, и она оказалась в моей постели. Вечерами я ждал её, она приходила в темноте. Я слушал шелест снимаемых одежд, наслаждался её запахом и робкими прикосновениями. Чувствовать её было для меня настоящим блаженством. Поскольку мы были молодые, то прошло совсем немного времени, и она забеременела. Это стало заметным. Немцы стали смотреть на меня с негодованием, но молчали. Перед родами мы подолгу с ней говорили, кто у нас будет, девочка или мальчик, и как назовём. Она звала меня Питер, я её поправлял – Пётр. Она смеялась и нежно говорила мне: «Питерка». Настаивала, если мальчик – будет Питер, а я говорил, если девочка – то Марта. Это были приятные споры, ласковые и забавные. Родился мальчик, назвали, как она и хотела, Питером.

И вот одним серым утром вызвал меня мой командир. Я прибыл к нему, но не успел переступить порог, как на меня обрушился настоящий шквал матерных слов. Я стоял и молчал. Я за всю войну не слышал от него столько брани, сколько сейчас.

– Это что, правда?

– Да.

– Ты соображаешь, что ты натворил?!

– Да.

– Ты понимаешь, что это трибунал?!

– Да.

– Что ты дакаешь? Ты видишь, что у меня на столе лежит?

– Нет.

Опять последовал шквал матерных слов, но потом он неожиданно спокойно спросил:

– Кто родился?

– Мальчик.

– Как назвали?

– Моим именем...

– Чёрт возьми. Мы научили вас убивать, а рожать не научили. – Он помолчал, потом позвал адъютанта: – Почему я не вижу документов на капитана, который ещё вчера был демобилизован?

Я очнулся и устался на командира.

– Товарищ командир, сейчас проверю. Очевидно, в канцелярии затерялись, – сказал адъютант.

– Чтоб сейчас же у меня на столе были документы!!

Я открыл рот от изумления. Адъютант молча выскочил за дверь. Командир обратился ко мне:

– Сынок, одно могу для тебя сделать. Три часа тебе дам и ни секундой больше, чтобы с сыном простился. Ты понимаешь, что ты натворил?

– Понимаю...

– Спросишь, почему три часа? Через три часа вылетает самолёт в Москву с важными документами, и ты их повезёшь. Из армии тебя уже два дня как демобилизовали. Ты меня понял?

– Так точно, командир.

Командир подошёл ко мне и обнял. И это он, тот, кто посылал нас в бой на верную смерть. Я заметил, что глаза у него стали мокрыми. Мне не верилось, что этот человек мог плакать.

– Всё, давай, время идёт. Опоздаешь – знаешь, что будет.

Я выскочил. Шофёр уже ждал. Я быстро доехал до дома, Марта была в комнатке, кормила грудью нашего сына. Я поцеловал её, поцеловал сына и сказал:

– Извини, у меня срочная командировка. Я уезжаю.

Она подняла на меня свои глаза:

– Питер, ты не вернёшься.

Я не хотел врать:

– Я буду стараться, я сделаю всё, чтобы вернуться.

– Питер, я люблю тебя, я буду беречь нашего Петеньку.

Она первый раз сказала слово Петенька на чистом русском языке. Я ещё раз поцеловал её и сына. Выскочил и поехал в аэропорт.

Самолёт уже стоял, шумели моторы. Адъютант командира был у трапа, нервничал, отдавая мне пакет, но, пожав руку, улыбнулся:

– Удачи!

В Москве я передал документы. Потом уехал сюда, на Кубань. Что я могу сказать? Вот здесь меня и прозвали Контуженым. Почему? Это в ваше время выровнялось соотношение полов, а в наше время большинство мужчин забрала война. Остались только такие, как я, которым повезло живыми вернуться. Когда я приехал, не только молоденькие девушки, но и женщины постарше устремили на меня свои взгляды. Выбирай любую... Но я никого не хотел. Каждая из них готова была быть со мной, но мне нужна была только Марта. Вот тогда мне и дали кличку «Контуженый». Сказали, мол, контузило меня, и перестал я мужиком быть.

Я с этим смирился. Вдовушки и девушки потеряли ко мне интерес. Я думал только о Марте, о сыне. Я не знал, как мне с ними увидеться.

Когда уезжал, командир сказал:

– Не вздумай писать! Это всё всплывёт, и я не смогу тебе помочь.

Так я прожил год. Через год приехал мой товарищ, служили мы вместе. Как он меня нашёл, не знаю. При встрече, заговорщицки подмигнув, полез в нагрудный карман, и достал письмо. С замиранием сердца я узнал её почерк. Она писала, что любит и ждёт, и подписалась: «...твоя любящая жена, всегда, всегда. Марта и твой сын». Ниже была маленькая ручка, обведённая карандашом, и такие маленькие пять пальчиков, на которых было написано «Питер», а в скобках «Петя».

С тех пор я жду не дожусь момента, когда мне можно будет к ним поехать. Ведь сейчас объединились Германии. А найду я их или нет? Жива ли она? Может, у них другая фамилия. Не знаю, как буду искать, но всё равно поеду, как только будет возможность выезжать. Я хочу увидеть своего сына, если доживу...

...Он замолчал. Молчал и я. Потом он поднялся, включил свет, одновременно загорелись лампочки над прудами. Я поначалу удивился, почему они развешены над водой, но спрашивать не решался. А потом заметил, что к лампочкам сразу слетелись мошки. И тут я догадался: мошки обжигали крылья и падали на воду, а рыбы их тут же подхватывали. Сразу забурлила вода под этими лампочками, и чем больше мошек падало, тем больше бурлила вода. И мы сидели и смотрели на эти всплески, как волны расходятся, как рыбы выпрыгивают, пытаюсь схватить мошку. А мы всё так же молчали, вдыхая аромат чая, который понемножку подливали себе из чайника. Потом я предложил:

– Давай выпьем за то, чтобы всё сбывалась так, как нам хочется.

– Давай.

Мы выпили с ним, посмотрели друг на друга. Пожали друг другу руки.

– Пойдём, покажу тебе, где переночевать.

Мы зашли в домик. Вокруг всё было чисто и аккуратно. Стояли стол, два кресла, телевизор, но удобства рядом, в отдельной пристройке. Я удивился, что в доме есть горячая вода. Потом я спросил у него, откуда.

– Ты не наблюдательный. Обрати внимание, у меня стоит солнечная батарея. Пока одна. За день она нагрела воду. Часть освещения идёт от солнечной батареи, а часть от сети колхоза, за что расплачиваюсь рыбой им к столу. Думаю поставить ещё или ветрячок, или турбину. Но больше я склонен к солнечным батареям, потому что в нашем районе солнечных дней больше двухсот. Этого, по моим расчётам, хватит для обогрева и отопления, но время покажет.

Я помолчал, а потом сказал:

– Извини, можно нескромный вопрос?

– А чего и нет. Давай.

– Так ты так и не женился?

– Нет.

– И даже ни одной женщины у тебя не было?

– Нет. После Марты никого. И не будет больше никогда. Потому что она дала жизнь моему сыну. Вот как его найти? Надеюсь, мы встретимся.

Я ещё долго не мог заснуть, спустился к Кубани. Она всё так же текла, неслась к морю. То затихала, то шуршала, то булькала. Лягушки перестали квакать. Иногда какая-то птица кричала в темноте. Мне не спалось. То ли от алкоголя, то ли от рассказа Контуженого. Я подошёл к краю и стал смотреть, как рыба кормится. Большая ночная бабочка упала на воду, обжёгшись. В это время то ли карп, то ли сазан схватил эту бабочку. Та ещё секунду была крылышками, пытаюсь взлететь, но ушла под воду.

На следующий день я поднялся рано, но рыбачить мне не хотелось. Снова пошёл к берегу. Подъехал Пётр Васильевич:

– Почему не рыбачишь?

– Да не знаю. Настроения нет.

– Да, настроение это дело такое, наживное.

– А вы что так рано приехали?

– Мне нужно кое-что посмотреть, проверить. Понимаешь, какое дело, народ жестокий, обозлённый. Да и не мудрено, сколько лет живём в нищете, в недостатке, во вранье. Так что люди очерствели, да что там говорить, иногда ошибаешься в людях... Вот в прошлом году случай был. Приехали два вполне достойных, интеллигентных молодых человека, попросили порыбачить. Я их пустил, домик им предоставил и через несколько часов заехал посмотреть. Так что вы думаете? Электроудочкой стали они в маточники бить! Ох, какое их счастье было, что я ружьё не взял, я бы пристрелил их, честное слово! Электроудочкой в маточник? Это тех рыбок, которых я выращивал для потомства! Не знаю, как я их не убил. Я схватил шест, одного ударил по голове, второго ударил по спине. Хорошо, охранники были, подскочили, скрутили меня. Я бы их убил, честное слово. Вы представляете, как можно было испортить весь маточник? Мне пришлось спустить воду, продать и вновь заниматься маточниками. Потому что после электроудочки рыба уже не может дать потомство. А сколько молодняка погибло! Зачем им это надо было? Попросили бы, я бы дал им рыбы столько, сколько им нужно, зачем губить?.. Давай чайку выпьем.

Он принёс готовый чайник опять с таким же ароматным отваром, как накануне, и я с удовольствием выпил две кружки.

– Хочешь, пойдём на Кубань порыбачим? Есть очень хорошие места. Возьми свой спиннинг. Мы обязательно на него сома поймает.

Я взял спиннинг, мы вышли к Кубани. Прошли метров пятьдесят и оказались у чудесной заводи.

– На вот, блесенку одень.

Я понял, что ему хочется мой спиннинг забросить. Я одел блесенку, застегнул карабинчик:

– Я не знаю этих мест. На, побросай ты.

У него загорелись глаза, он бережно взял спиннинг, посмотрел катушку, кольца, не перекручен ли шнур. Потрогал катушку. Спокойно размахнулся, забросил и стал медленно вести. Вдруг рывок, довольно сильный. Но Пётр Васильевич – опытный рыбак – он был к этому готов и стал умело выводить.

– Что там?

– Сом.

Сом оказался небольшой, по его меркам – это сомёнок. Где-то около четырёх килограмм. Подвёл к заводи, я спустился, зашёл в воду и, схватив рыбу за жабры, вытащил на берег.

Больше мы не стали ловить, пришли к домикам.

– Хочешь, оставайся, – предложил он мне.

– Да нет, мне пора.

Я пообещал ему, что вернусь.

– Как хочешь. Приезжай в любое время.

Я подарил ему спиннинг. Пётр Васильевич был явно обрадован. Он бережно принял его из моих рук, и в тот момент я, наконец, понял, что этот спиннинг для него значил... Это была ниточка, связавшая его с родиной его сына. Я подумал: пусть эта связь окрепнет, пусть ему повезёт, пусть он встретится со своим сыном и с Мартой. Мне так хотелось, чтобы это сбылось...

В тот год я больше не виделся с Петром Васильевичем. Не знаю, удалось ли ему съездить в Германию, удалось ли отыскать свою семью. Часто холодными питерскими вечерами я возвращаюсь мысленно на берег Кубани, где мы пьем ароматный чай и беседуем с Контуженым о жизни, и тогда мне снова хочется взять билет на поезд или сесть за руль, чтобы порыбачить на прудах «Контуженого», узнать продолжение его истории.

На Кубани

Сегодня мы с братом не поехали на рыбалку. До этого мы два дня, сразу по приезде, провели на прудах. Это на правой стороне Кубани. Там много сейчас частных прудов, которые раньше были общественными. Теперь их администрация сдаёт в аренду. Также предприниматели обустривают другие водоёмы для разведения рыбы.

Обычно делают так: в балках ставят плотину и собирают паводковые воды. Или же, если есть какая-то небольшая речушка, то сооружают плотинку, шлюзовые затворы. Запускают малька, подкармливают и следят, чтобы не погибли. А осенью, когда вырастают, естественно, продают.

Некоторые используют пруды для того, чтобы рыбакам-любителям предоставить возможность порыбачить и отдохнуть. В последнее время я замечаю, что те, кто серьёзно занимаются разведением рыбы, не разрешают рыбакам на арендованных прудах ловить. Я как-то разговаривал с одним из арендаторов.

– Да что, это вначале, когда у нас не было оборотных средств, каждая копейка нам нужна была. Малька закупить, корм, известь для дезинфицирования пруда. А любители-рыбаки... Понимаете, низкая у нас ещё культура: приедут, напьются, бутылок набросят. Хорошо ещё, если просто на берегу оставят, а то побьют бутылки и в пруды бросят. В общем, не очень приглядная картина после них остаётся. Мы уже пытались и урны отдельно поставить, и просим, и предупреждаем. Всё равно, знаете ли. Проще не пускать. Если есть возможность не пускать – не пускаем. Объясняем, что не приспособлено.

Некоторые арендаторы с удовольствием пускают. При этом у каждого свои правила. Одни берут плату только за вход – и лови сколько хочешь. Другие – за килограмм пойманной рыбы. Существуют всероссийские правила ловли, но это на государственных водоёмах, на реках, во избежание браконьерства. Там оговаривается чётко, какими снастями можно ловить, а какие считаются браконьерскими. Браконьерские снасти очень часто встречаешь, особенно в последнее время... Практически на каждом водоёме можно встретить брошенную китайскую сеть, в которую рыба попала – она там уже сгнила и заражает водоём. Кроме этого есть ещё тысячи браконьерских снастей: самоловы, электроудочки и прочее.

Нормальные рыбаки в прудах ловят, большей частью, удочкой, спиннингом и донками.

Те водоёмы, в которых хозяева или арендаторы осенью не спускают воду, чтобы выловить рыбу, с удовольствием поощряют вылов хищной рыбы, как например, щуку и окуня. Здесь они не ограничивают величину рыбы, поскольку хищные наносят вред хозяйству, истребляя мальков. Обычно существует ограничение по весу единичной рыбы. Арендаторы, которые рано запускают малька, имеют в июне рыбу, достигшую веса 300–350 грамм, а такую ловить ещё рано – пусть подрастёт.

Мы подъехали к домику, где находились администратор и охранник. Спросили, какие у них условия. Нам сказали, что плата только за вход. Умеренной по тем временам считалась плата 150 рублей с человека. Условие: рыбу этого года не брать – отпускать.

– Что, они с паспортом плавают? – для шутки спросил я.

– Да нет, вы сами заметите по размеру, – ответил администратор.

– А какие размеры?

Администратор, как настоящий рыбак, сразу же показал. Левую руку он выставил вперёд, а ребром правой руки показал чуть выше ладони.

– Такие, к примеру, они сейчас. Их отпускайте, они ещё маленькие. И четырёхкилограммовых отпускайте. Четырёхкилограммовые – это маточники. Поскольку мы здесь не осушаем пруд, нам желательно часть своих маточников иметь. А щуку, окуня – это даже

поощряем. Чем больше поймаете – тем лучше... Время? До того как начнёт темнеть. На ночь нежелательно оставаться здесь.

Мы поехали на другую сторону пруда, где подходила лесозащитная полоса. Я помню, в 50-е годы для посадки лесополос мы собирали косточки от абрикосов и глядичи, или, как она у нас называлась, бароновская акация. Это мощное дерево с твёрдой древесиной. У него такие рожки, напоминающие стручки гороха, но довольно большие, длинные – полуметра достигают в длину и больше. Когда созревают, они становятся тёмно-коричневого цвета. Этот стручок как бы делится вдоль пополам. В нижней части – зёрнышки. Вначале, естественно, они зелёные. Внутри – желатиновая оболочка. Нам нравилось её есть. А в верхней части, когда стручок поспевал полностью, находилось что-то сладкое, которое по вкусу и цвету отдалённо напоминало мёд. Поэтому мы, не зная, как это называется, так и прозвали это – «мёд».

Когда стручок окончательно созревает, зёрнышки становятся плотными, тёмно-коричневого цвета, похожего на кофе. На эту акацию практически невозможно залезть. На стволе и на ветках растут громадные колючки. Причём длина колючки может достигать и тридцати, и даже сорока сантиметров. Она, как ёж, пучками растёт.

В Новокубанске совхоз занимался садоводством. Там все сады были огорожены живой зелёной изгородью. Так вот эта изгородь была посажена из этой вот глядичи. Её подстригали где-то на уровне роста человека, может, чуть повыше. Оставляли там одиночные деревья метров через пять, через десять. Эта изгородь получалась абсолютно непроходимой. При любом желании пройти было невозможно, поскольку она так заросла колючками, что была надёжнее колючей проволоки. И вдоль дороги также с обеих сторон была непроходимая изгородь.

К этому пруду подходила лесозащитная полоса, и она вдоль пруда тянулась метров на двести. Мы подъехали, вышли из машины и облюбовали место.

– Вот два нормальных места будет. Хочешь – справа, хочешь – слева, – сказал брат.

Я не знаю, как у кого, но меня перед рыбалкой охватывает азарт, если можно так сказать – зуд. Мне хочется как можно быстрее забросить удочку. Подъезжаешь, и вот она – вода. Прямо тянет забросить быстрее удочку. Вот и сейчас меня охватило такое же чувство. Тем более что приехал из Питера и на прудах ещё не ловил. Я взял удочки, наживку и пошёл. Место, конечно, красивое.

Здесь довольно крутой берег, мешают немного деревья, но, думаю, приспособиться можно. Можно забрасывать. Я раздвинул удочку, примерно установил глубину подходящую, надел червяка и забросил. Только взялся за вторую удочку, как вижу, что поплавок шевельнулся – пошёл под воду. Я подсёк и поймал сазанчика. Сазанчик, как выразился администратор, был рыбой «этого года». Жалко было отпускать, но договор есть договор. Пришлось его отпустить.

Я нанизал побольше червей на крючок в надежде на то, что авось покрупней возьмётся, и забросил немножко подальше от того места, куда закидывал в первый раз. И опять взялся за вторую удочку. Когда я её уже раздвинул и положил на траву, чтобы нанизать наживку, леска зацепилась за траву. В траве валялось разное: и колючки, и сухое деревце, и ещё разные растения, которые обычно всегда цепляются за леску. Они меня частенько раздражали. Вот василёк, к примеру, у него такие цветы красивые синенькие, его ещё называют цикорий. Но у него такая привычка – вечно цепляться за леску. Этот-то василёк и зацепился за мою леску. Освобождая леску, я в сердцах вырвал этот цикорий с корнем и отбросил прочь. Пока я этим занимался, я совсем забыл про первую удочку. А когда обратил на неё внимание, то поплавок я не обнаружил. Я, естественно, решил подсечь, но не тут-то было. Оказывается, что-то попало на крючок и утянуло его под корягу. Я подёргал-подёргал и, в конце концов, оборвал. Это было неприятно. Я отложил эту удочку в сторонку, взял вторую и забросил.

В это время брат подошёл к месту, которое он облюбовал. Осмотрелся и вернулся к машине. Взяв секатор и нож, он обрезал ветки деревьев, которые ему мешали при забросе. Потом на том месте, где он будет класть удочку, так же ножом вырезал цикории, которые мне уже навредили. Очистил место от палочек и колючек, принёс стульчик, подставки под удочки, приманку и прикормку. Вначале разбросал прикормку.

Я же в спешке, не подготовив место, уже оборвал одну удочку. Забросил вторую, хотел пойти тоже взять стульчик и подставку. Уходя, посмотрел: вроде бы заклевала. Я резковато дёрнул, и оказалось рано. Я почувствовал, что там что-то приличное было, но что – не знаю. Из-за того, что я резко подсёк, порвалась губа, и моя удочка, поплавок, крючок и груз, как из катапульты, вылетели из воды. Естественно, зацепились за свисающие ветки. В общем, только приступив к рыбалке, я уже две удочки испортил.

Брат на меня посмотрел, ухмыльнулся в свои усы. Азарт у меня уже спал, и я, точно так же, как брат, решил не спеша подготовить место.

Вдруг слышу, что у брата затрещал фрикцион. Он подсёк на макушанку и стал выводить рыбу. Попался первый сазан, где-то килограмма на два. Я помог брату. Потом взял секатор, нож и пошёл готовить себе нормальное место.

Я расположился так, чтобы мне не мешало то дерево, за которое зацепилась моя вторая удочка. Также подрезал те ветви, которые свисали и могли бы мне помешать, подстриг траву, убрал все сухие веточки и колючки. Принёс стульчик, подставки под удочки.

В первую очередь забросил макушанки. Естественно, и приманку разбросал. У нас были запасные удочки. Брат всегда берёт запасные, чтобы не ремонтировать на месте. У него вообще всё в запасе сделано: и удочки, и поводочки. Поэтому я заменил оборванные удочки на другие.

Установил глубину, забросил. Долго ждать не пришлось. Почти сразу поплавок моей удочки утонул. Попался хороший зеркальный карп на килограмм.

Так мы начали рыбачить – спокойно и ненапряжно. Изредка срабатывали макушанки, на которые более или менее крупная рыба бралась: карп, сазан, зеркальный карп...

У меня сработала макушанка. Я подсёк и чувствую: да, что-то приличное там, хорошее. Мне пришлось побороться. На крючке был сазан. Сазан где-то килограмма под три. Одновременно здесь же, на поплавочные удочки, нет-нет да поймается на килограмм сазанчик. А так частенько попадались такие, которых приходилось отпускать.

К полднику у нас, что у брата в садке, что у меня, было прилично. Хотя общероссийские нормы и ограничивают рыбу по весу – она не должна превышать пяти килограмм, если не единичная рыба. Но у нас уже эта норма была превышена. Но поскольку мы на частном пруду, да плюс к тому же мы оплатили, то на нас здесь этот пункт общероссийских правил не распространяется.

Подошёл к нам мужчина. Они с братом начали разговаривать. Это оказался хозяин, или арендатор, пруда, на котором мы рыбачим. Брат у меня более или менее разбирается в рыбном хозяйстве, и они как профессионалы начали что-то обсуждать. Мне это неинтересно, какие там заболевания, краснухи или ещё что-то. Этот мужчина поинтересовался, нет ли у пойманных нами рыб каких-либо признаков заболевания краснухой. Брат сказал, что на своих ничего не заметил, а у меня можно проверить. Ещё брат поинтересовался, чем они кормят, чем подкармливают. Это чтобы иметь в виду, какую приманку и наживку применять.

– Давай перекусим и закончим рыбалку. Уже достаточно мы поймали, – предложил брат, когда этот мужчина ушёл.

– Нет, давай по бутерброду, и ещё половим.

«По бутерброду» – это значило, что брат будет готовить, а я, не отрываясь от своих удочек, продолжу рыбачить. Брат всё это аккуратно приготовил, столик поставил, бутерброды разложил, чай, правда, из термоса. Перекусили с ним, ещё часа полтора ловили.

Садки наполнились. Наловили мы прилично. Не всегда так получалось у нас.

Мы вернулись домой. Я не любитель чистить рыбу, и брат это знал. Поэтому часть рыбы мы завезли Оле – это наша сестра, часть другим родственникам раздали. И я ещё однокласснику отдал. А себе оставили так, чтобы можно было пожарить, уху сварить и ещё оставить на завтра, если на рыбалку не поедem. Какое там «не поедem», если такой клёв!

Утром мы поехали опять на этот пруд. Наши места не были заняты. Они у нас уже хорошо были подготовлены: нам не надо было ничего ни обрезать, ни убирать. Просто поставили стульчики, прикормку, приманку, естественно, заплатили за вход и стали рыбачить теперь уже более спокойно. Места мы уже знали: куда забросить, как забросить. После первых забросов начало клевать. К тому же стояла прекрасная погода, в это время – это начало июня – рыба берёт хорошо, поскольку у неё ещё идёт жор после нереста. Таким образом, как и вчера, мы прилично наловили. Снова пытались родственникам, соседям раздать, но они уже не с такой охотой, как вчера, принимали такие «подарки». Но всё-таки часть рыбы взяли. Поскольку нам рыбу девать некуда было, то на следующий день мы сделали перерыв.

Утром брат в саду перебирал снасти: что-то подтачивал, одну катушку разобрал, так как она падала у нас вчера в воду, вернее, у меня падала, поскольку я не заметил, как довольно приличный сазан под два килограмма подцепился и утащил удочку. Я еле успел её схватить, но всё равно она упала в воду. Поэтому брат сегодня её развинтил, всю вытер, прочистил и смазал. У него все снасти всегда собраны аккуратно, всё всегда в порядке. У меня иногда так: приедешь, бросишь и до следующей рыбалки не разбираешь. А у брата такого нет – он обязательно после рыбалки все снасти проверит, подправит. Он увидел, что я вышел.

– Сейчас будем завтракать.

Пока я умывался, брат приготовил завтрак, вскипятил чай. Мы сидели, пили чай и обсуждали, куда нам поехать.

– А ты давно был на море? – спросил я.

– Да уж давно был.

– Поехали на море? Заодно проведем внука.

Внук у меня в спортивном лагере был. Я его провожал до самой Анапы от Санкт-Петербурга. Он ходит в спортивную секцию, а там тренер, Аркадий Юрьевич, энтузиаст карате, организовал несколько детских секций по городу и проявил инициативу вывозить детей в район Анапы в один из бывших пионерлагерей, которые ещё существуют, только не пионерскими называются.

Он договаривается с администрацией лагеря о путёвках на шестьдесят-семьдесят детей. Я, когда узнал, сообщил дочери, она засомневалась – отпускать, не отпускать... Вроде бы мальчику было ещё восемь лет, как-то было боязно, но я дочери сказал: «Давай я поеду, буду сопровождать. Посмотрю, какой там лагерь, какие удобства и какие правила. Если не понравится, так я заберу его и поедem к родственникам». На это дочь согласилась, и я поехал вместе с этой группой.

А группа такая: те дети, которых родители не сопровождают, – их набралось на целый плацкартный вагон. Там и тренеры, и дети, и врач. Примерно полвагона – это дети с родителями – такие, как я, которые побоялись отпустить своих детей одних. Тренер договорился с администрацией, что можно и родителям там же отдыхать. Оплата была такая же, как за ребёнка, поэтому родители с удовольствием согласились.

Я договорился с Аркадием, что побуду только два-три дня. Оплачу, сколько положено, и уеду к брату. Аркадий дал добро, я так и поступил. Были довольно приличные условия. В каждой комнате примерно по 4–6 человек. Быстро распределили детей, с чем Аркадий очень чётко справился. А потом всех их осматривали врачи, причём, помимо собственного врача, который приехал с Аркадием, осмотр проводили ещё лагерные врачи. После этого настало время ужинать.

Всех повели, заодно и мы, взрослые, с ними поужинали. Всё было довольно прилично. После ужина начали проверять у детей вещи. Проверяли сам Аркадий и два тренера. Они заходили в каждую комнату и проверяли у детей их рюкзаки, чемоданы, сумки и всё, что было. Я спросил, что они там проверяли.

– Мы проверяем у детей продукты, которые они привезли с собой.

Хотя до этого на родительском сборе всем было разъяснено, что никаких скоропортящихся продуктов везти детям нельзя. Только при условии, что дети в тот же вечер их съедят. Естественно, у многих детей ещё осталось. У двоих они нашли варёную курицу, от которой уже запах шёл. Ещё у кого-то варёная колбаса была, которая уже позеленела. Заодно они, когда проверяли, смотрели, у кого какие медикаменты. Их тоже забирали. Насчёт того, что забирают, может, я неправильно сказал. Всё, что было взято, они зафиксировали в специальном журнале. Так же и с медикаментами. Некоторые родители положили своим детям таблетки и подписали, что от живота, а что от головы и так далее. Все таблетки забрали во избежание самолечения, упаковали и передали врачу.

Естественно, когда уезжали, все родители для своих детей дали тренеру деньги на карманные расходы. Он очень чётко вёл расходы детей. Если ребёнку что-нибудь было нужно купить, он выдавал деньги, записав, сколько выдал. И затем по возвращении предоставлял этот отчёт родителям.

Я прожил там два дня вместе с отдыхающими. Аркадий и тренеры сделали так, чтобы родители при этом не мешали тренировкам. У них подъём, умывание, зарядка, завтрак, тренировка, море, обед, тренировка... Всё было чётко поставлено, дисциплина хорошая была, что моему внуку, как мне показалось, не очень нравилось.

Я предложил брату съездить на море, ещё раз проведать, как там мой внук, заодно и самим искупаться и отдохнуть. Но он как-то вначале задумался, а потом согласился и предложил позвать с нами Василия. Это наш общий приятель. Я с ним подружился ещё тогда, когда после школы военкомат организовал допризывникам из всех соседних станиц и посёлков курсы с отрывом от производства. С Красного посёлка был Василий. Мы на этих курсах и подружались, друг к другу в гости ездили. И в институт мы с ним поступали вместе. Вместе и учились. Только он проучился два года – у него родители были старенькие, поэтому он бросил институт и вернулся в Красный... Сейчас уже пенсионер.

Брат взял телефон, звонит Василию и говорит:

– Готовься, через час мы за тобой заедем. Поедем на море, в сторону Анапы. Даём тебе час, не забудь взять плавки.

Мы тоже быстро собрались, заехали к Василию, а он не собран – решил, что мы пошутили над ним по телефону. Он довольно быстро собрался, и мы поехали.

На Кубани хорошие дороги, даже не сравнить с нашими областными. Из-за природных условий здесь довольно сухо, и дороги более или менее сохраняются, нежели в Ленинградской области, особенно в осенний и зимний период, когда морозы – оттепели, морозы – оттепели. Естественно, асфальт такого выдержать не может, он рвётся и расползается.

Мы стали подъезжать к первому большому населённому пункту. Это был город Кропоткин. Я помню, что ещё в застойные времена у автовокзала женщины продавали домашние пирожки с картофелем. Это были настолько вкусные пирожки! Правда, тогда это было нелегально, милиция не разрешала им торговать. Хотя я однажды видел, как милиционеры, которые должны запрещать подобную торговлю, с удовольствием брали у этих женщин пироги и ели.

Проезжая мимо этого места, я вспомнил:

– Раньше здесь были очень вкусные пирожки.

– Теперь здесь очень цивилизно сделали. Не доезжая до Кубани, стоят павильончики, причём с двух сторон дороги. Там кафе, где только пирожки, чебуреки, чай или кофе, – отвечает мне Василий.

Пирожки прямо там готовила довольно молодая женщина. Я попросил её продать мне три. Здесь же у неё были заготовленное тесто и газовая плита. Она очень ловко слепила пирожки и положила их на раскалённую сковородку. Ждать пришлось недолго. Она мне положила пирожки и салфетки в пакетик, я расплатился и пошёл к машине. Дал по пирожку брату и Василию. Но когда я откусил один кусочек от пирожка, то сразу понял, что мне надо идти ещё за порцией, и не за одной. То же самое высказали брат с Василием.

Я доел пирожок и пошёл опять к кафе. Там я заказал уже по два пирожка на каждого. Пирожок – это так только говорится. Здесь он напоминал больше пирог, поскольку он один не помещался мне на ладони. Очень приятное тесто, а начинка – картофель. Таким образом, у нас практически второй завтрак получился.

Мы поехали дальше, переехали Кубань, и поворот налево на Краснодар. Василий сел за руль, брат за штурмана рядом, а я сзади. Конечно, ехать в этот период – в начале лета – на Кубани одно удовольствие. Смотреть, как от тебя и справа, и слева раскинулись бескрайние поля. На них пшеница стоит ещё зелёная, а вот ячмень уже начинает желтеть, подсолнухи ещё только начинают цвести.

Я сидел сзади и любовался. Я не прислушивался к тому, о чём разговаривают брат с Василием. Я просто любовался полями. Они пересекаются лесозащитными полосами. От одной полосы к другой, допустим, ячмень растёт, а от другой может и кукуруза или сахарная свёкла, как у нас называли – бураки. Выращивать буряк раньше было самой тяжёлой и трудоёмкой работой. Во-первых, специфика посадки семян. У сахарной свёклы семена так устроены, что прорастали сплошным рядочком. И когда она подрастала, нужно было продёргивать, чтобы уничтожить десять штук, оставляя только одну. Это было тяжело, так как приходилось выполнять такую работу на коленях. Потом ещё требовалось прополоть от сорняков. Очень тяжёлая работа, трудоёмкая, хоть и получается потом сладкий сахар. Школьников посылали на эти работы, а сейчас, как мне сказали, были придуманы уже специальные сеялки, которые обеспечивают выращивание свёклы без необходимости «продёргивать». Они так сеют, что семя от семени получается на нормальном расстоянии. В таком случае свёкла вырастает крупная.

Так мы ехали. То ли штурман просмотрел, то ли водитель объездную дорогу пропустил – я не знаю, но приехали мы в Краснодар. Я услышал, как брат говорит:

– Вася, пошёл бы я знаешь куда, а ты за мной.

Мой брат никогда не употребляет грубых или матерных слов. А вот это выражение я от него несколько раз слышал, что пошёл бы он, а кто-то за ним. Намекая, что он хотел сказать кое-что поглубже. У них начался спор, один говорил, что надо повернуть, другой проехал, в результате получилось, что придётся ехать через город. Кто в чужой город въезжал, да ещё летом, да ещё в такую жару без кондиционера, тот знает, как это неприятно.

...Я от брата не слышал матерных слов ни по какому поводу. Я даже от отца в детстве единственный раз слышал, но это было тогда, когда его подчинённый, может быть, формально и был прав, но поступил очень подло и бесчеловечно. Поскольку от его действий могли бы пострадать вдовы, мужья которых погибли в войну. А это был сорок седьмой год. У некоторых было двое детей, а у кого-то даже трое. Голодно тогда было. Работая на спиртзаводе, женщины подворовывали по горсти, по две зерна. И вот этот человек устроил досмотр, выискивая в нижнем белье у женщин зерно. Я был случайным свидетелем того, как мой отец говорил с этим человеком... Тогда я в первый и последний раз слышал от отца матерные слова. Потому что те люди, которые погибли, воевали вместе с моим отцом. А он во время

войны был командиром партизанского отряда. Тот человек формально выполнял свои обязанности: эти женщины должны были быть судимы и отправлены в тюрьму. Отец их тогда защитил, но сам едва не пострадал...

Я хочу сказать, что у меня иногда проскальзывали матерные слова. Причём проскальзывали, может быть, не к месту. После того как меня назначили главным конструктором, я себе не позволял употреблять такие слова и с подчинёнными разговаривал только на вы. Ещё до назначения на высокую должность я работал на монтаже турбинного оборудования на ГЭС представителем завода. Там частенько попадался брак. Причём брак на маслonaпорных установках, которые поставлял завод. Приходилось вручную этот брак исправлять. Представитель завода на монтаже и присутствовал для того, чтобы прикрыть рекламацию. И вот я приехал в очередной раз переоформлять командировку, зашёл к начальнику конструкторского бюро этих установок. Я попросил усилить авторский надзор за изготовлением. Неприятно людям исправлять вручную, когда здесь всё можно сделать на станке. Когда мы разговаривали, зазвонил телефон. Он взял трубку, а поговорив, стал объяснять:

– Вот, в цехе опять что-то не так. Кстати, для твоей же ГЭС идёт сборка. Замначальника цеха кричит, что обнаружены конструкторские недоработки, что у них там что-то не получается, и с нас требуют карту разрешений, чтобы пропустить. – Он подозвал бывшего моего одноклассника Геннадия и говорит: – Сходи в цех, подготовь карту разрешений.

Я сказал Геннадию, что тоже пойду.

По дороге в цех я спросил, кто ещё из наших одноклассников здесь работает. Считаю ведь, что четыре года уже, как окончили институт, надо подумать, как бы встретиться всем вместе...

Когда пришли в цех, там стояли замначальника цеха, старший мастер и начальник ОТК. Все они втроём набросились на Геннадия, дескать, хорошо вам там сидеть в тепле и в чистоте в белом воротничке, вы бы здесь попробовали... В общем, обыкновенные нападки, чтобы пропустить брак. Я смотрю, Геннадий как-то сжался, а эти, не стесняясь в выражениях, нецензурщиной всё конструкторское сословие поливали. Вот, давай, подписывай, и всё. Есть такой конструкторский документ, по которому разрешается пропустить изделие с отступлением.

Геннадий уже достал ручку, но тут у меня не хватило терпения.

– Подожди, Геннадий.

Я взял у него карту, просмотрел её. За такие дефекты приходилось мне на монтаже краснеть перед монтажниками. Я взял карту и разорвал. Старший мастер и замначальника цеха прямо замерли на месте, смотрят на меня с открытыми ртами... Я говорю замначальника цеха, причём перешёл на ты, хотя он старше меня:

– Если ты пришлешь ещё раз такое изделие с таким браком, я тебе гарантирую: не только квартальной премии лишишься, но и слетишь со своего места.

Посмотрел на Геннадия, он в сторонку отошёл. Замначальника цеха хотел что-то сказать, но я ему не дал.

– Всё, – и обрывки этой карты положил ему в руку.

– Запускай новые, – сказал он вполголоса мастеру.

Разговор на эту тему закончился.

У нас с замначальника цеха были общие интересы – рыбалка. Мы в выходные иногда с ним на рыбалку ездили. Он поинтересовался у меня, надолго ли я приехал, и, узнав, что я пробуду ещё дня два-три, пригласил на рыбалку.

Я согласился, мы ещё немного поговорили, а после я отошёл.

Геннадий, мой бывший одноклассник, догнал меня и спросил, обращаясь вдруг на вы:

– Леонид Петрович, а вы что, можете говорить на таком языке?

– На каком языке?

– Ну, как же. Вы сейчас в разговоре с начальником цеха употребили восемь разных матерных слов.

– Да брось ты, Генка, что ты говоришь?

– Но как же, у вас были грубые, матерные слова.

– Да, Гена, ты просто выдумываешь. Мы о рыбалке поговорили, о чём ты?

– Да это вы потом, а когда вы говорили насчёт карты и насчёт премиальных...

– Гена, но это же был нормальный разговор, что ты?

– Да? Вы считаете нормальным в русском языке за такую короткую речь восемь матерных слов...

– Ты знаешь, Гена, а я и не заметил даже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.